С Новым годом!



ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 1 ЯНВАРЬ 1982

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 1 (2842)
1 ЯНВАРЯ 1982

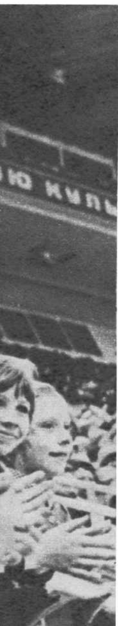


19



Фото А. БОЧИНИНА

82 год!













АКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Александр КАПРАЛОВ

В развитии событий на Ближнем Востоке произошел новый опасный поворот. Израильское правительство приняло закон об аннексии оккупированных Тель-Авивом в 1967 году сирийских Голанских высот. Премьер-министр Израиля Бегин провозгласил, что отныне Голаны — «составная часть Израиля».

Хотя это решение, как отмечает зарубежная печать, было принято сионистским руководством с «молниеносной быстротой», неожиданным оно не было. Курс на аннексию оккупированных арабских земель — константа в политике Израиля. Ранее захватчики аннексировали восточную часть Иерусалима. Предпринимались шаги по подготовке к аннексии Западного берега реки Иордан и сектора Газа. И вот очередной акт беззакония...

Грубо поправ элементарные нормы международного права, Тель-Авив бросил наглый вызов всему мировому сообществу. Совет Безопасности ООН объявил недействительным и не имеющим международной юридической силы решение Израиля распространить действие израильских законов на оккупированные Голанские высоты. В резолюции, одобренной Советом, содержится требование к Израилю немедленно отменить свое решение. В случае отказа Израиля выполнить ее Совет Безопасности соберется снова не позднее 5 января, чтобы обсудить вопрос о принятии всех необходимых мер в соответствии с Уставом ООН.

Однако трудно предположить, чтобы против зарвавшегося агрессора были приняты эффективные меры, ибо, как считает большинство политических наблюдателей, Соединенные Штаты, хотя и проголосовали за упомянутую резолюцию, наложат вето на любые санкции, направленные против Израиля. Ведь не секрет, что агрессивные действия Израиля, как отмечала французская «Монд», находятся в прямой связи с соглашением о «стратегическом сотрудничестве», заключенным недавно между Израилем и США; именно оно поощряет Тель-Авив на «проведение курса политического и военного терроризма».

«Новый агрессивный акт Израиля,— говорится в Заявлении ТАСС,— тесно связан с милитаристским курсом США, является прямым следствием антиарабского кэмп-дэвидского сговора и политики сепаратных сделок. Это — конкретное проявление американо-израильского «стратегического сотрудничества», результат срастания империалистических интересов США и экспансионистских амбиций Израиля».

Когда Израиль и Соединенные Штаты подписали соглашение о так называемом «стратегическом сотрудничестве», они оформили эту сделку под вывеской совместной защиты района Ближнего Востока и Персидского залива от «советской угрозы». Однако этот фальшивый антисоветский предлог не смог никого ввести в заблуждение. Американская «Нью-Йорк таймс» отмечала, что, устанавливая с Израилем «стратегические отношения», США предоставляют Тель-Авиву карт-бланш «на дальнейший контроль Израиля над оккупированными (арабскими.— **А. К.**) территориями и их экономическое поглощение, равно как и на агрессивную военную политику».

Что же касается объявленного на днях Вашингтоном приостановления действия соглашения о «стратегическом сотрудничестве», то в арабских странах рассматривают этот демарш как фарс, неуклюжую попытку американской администрации сделать хорошую мину при плохой игре и затушевать тот очевидный факт, что именно установление с Тель-Авивом стратегических отношений развязало агрессору руки.

Фарс, разыгранный в Вашингтоне, никого не может ввести в заблуждение еще и потому, что, как поведала «Вашингтон пост», высокопоставленные должностные лица американской администрации были за неделю предупреждены о намерениях Израиля аннексировать Голаны.

Знали, но молчали! Знали, но не остановили руку агрессора! Однако, учитывая цели американской ближневосточной политики, удивляться не приходится.

Чтобы обеспечить себе беспрепятственный и гарантированный доступ к нефтяным кладовым Ближнего Востока и Персидского залива, США стремятся подчинить весь этот район своему военно-политическому контролю. Одним из инструментов осуществления этого замысла стал кэмп-дэвидский сговор, к которому Вашингтон тщетно, но упорно пытается подключить, помимо Египта, и другие арабские государства, в частности Сирию.

Но эта страна неизменно отвергала и отвергает путь сепаратных сделок, выступала и выступает за всеобъемлющее и справедливое ближневосточное урегулирование, за осуществление законных прав палестинского народа на создание независимого государства. И вот аннексией Голанских высот на Сирию оказывается нажим, чтобы заставить эту страну пойти на сделку с Израилем на условиях, которые продиктует Тель-Авив.

«Как бы ни пытался Израиль закрепиться на оккупированных арабских территориях,— говорится в Заявлении ТАСС,— дело это бесперспективное. Никто не может лишить арабские народы их неотъемлемых суверенных прав. Придет время, и история скажет свое окончательное слово в этом вопросе».

Владимир КОВНАТ,
корреспондент
Советского телевидения
на Ближнем Востоке

Фото автора

ЛИВАН — «ДИНАМИТНАЯ ВОЙНА»

...Неширокая улица с многоэтажными зданиями, множество прохожих, непрерывный поток машин. Первые этажи большинства домов заняты продуктовыми и промтоварными магазинами, идет бойкая торговля. Люди, уставшие от артиллерийско-минометных обстрелов и воздушных налетов, вышли на улицы благодаря очередному (уже мало кто помнит которому по счету) соглашению о прекращении огня. Наступило долгожданное затишье. Теплый солнечный день...

И вдруг страшный взрыв более чем ста килограммов тринитротолуола, заложенного в чей-то автомобиль, сотрясает здания, убивает и калечит прохожих. Взрывная волна разрушает дома, рвутся бензобаки автомашин, куски рваного металла с ужасающим визгом и грохотом крушат все вокруг. В домах вспыхивают пожары, газовые баллоны, от которых здесь работают кухонные плиты, взрываются в квартирах, как бомбы...

Еще свежа в памяти бомбардировка жилых кварталов Бейрута израильскими самолетами, а взрывы снова грохочут в ливанских городах. Теперь на сцену выступила не менее варварская форма терроризма — «динамитная война». От нее страдают в первую очередь мирные жители, а внезапность таких террористических акций приводит к сотням жертв в густонаселенных районах.

Взрывы в Набатии, в Сайде и в Бейруте вызвали, как говорят в Ливане, «автомобильный психоз». Люди боятся каждой незнакомой машины, стоящей у тротуара. Использование автомобилей в качестве мин известно и культивируется в Ливане уже давно. Но еще никогда «динамитная война» не принимала таких масштабов, а заряды взрывчатки не были такими мощными.

В дни, когда писался этот репортаж, многие десятки километров бейрутских тротуаров были, так сказать, «защищены» наваленными на дорогу ящиками, камнями или натянутыми на стойках веревками, чтобы не дать возможности запарковать автомобиль. Явлению «автомобильного психоза» бейрутское телевидение посвятило ряд передач. В большой специальной программе рассказывалось — и показывалось,— какими способами террористы минируют машины.

Здесь всем ясна цель динамитного террора — запугать население Ливана, посеять неуверенность, сломить у людей волю к сопротивлению израильской агрессии. «Динамитная война» ведется террористами главным образом против левомусульманской части коренного населения Ливана и палестинских беженцев. Но в конечном итоге от взрывов страдают все. В ливанских городах и деревнях мусульмане и христиане нередко живут бок о бок — так здесь сложилось веками. Христианские храмы и мусульманские мечети стоят неподалеку друг от друга. Зачастую христиане и мусульмане живут в одном и том же доме, поддерживая хорошие отношения и помогая друг другу в трудную минуту,— это тоже давняя традиция.

Бейрутская служба безопасности обнаружила и разминировала набитую взрывчаткой автомашину в районе Хамры — главной торговой улицы центра столицы Ливана. Если бы этот взрыв произошел, пострадало бы множество людей, не занимающихся ни политическими, ни военными проблемами. В городе Сайде (известный еще в библейские времена Сидон) террористы устроили взрыв около Объединенного штаба Национально-патриотических сил Ливана и Палестинского движения сопротивления. Мощная взрывная ударная волна мгновенно прокатилась по улице, ломая фасады зданий от первых этажей и до самых крыш. И на этот раз не обошлось без пожаров, разрушения были ужасны. И, как всегда в таких случаях, много жертв среди мирного населения квартала. А те, кто уцелел, остались без крова и имущества, они пополнили кочующую по Ливану армию беженцев. Каждый новый взрыв — новое проявление варварства и бесчеловечности.

В одном из небольших бейрутских кинотеатров во время сеанса взорвался подложенный террористами заряд. Когда спустя час после взрыва в зал допустили представителей телевидения и прессы, они видели развороченные ряды кресел, разбитый потолок, залитый лужами крови пол. Прямо перед объективом ручной телекамеры побледневших корреспондентов американского телевидения, в свете их мощной лампы сотрудники бейрутской полиции обнаружили и извлекли из-под обломков кресел ранее не замеченные изуродованные останки неизвестного мальчика. В ужасе наблюдали эту картину местные и иностранные журналисты.

После взрыва заминированного автомобиля в бейрутском районе Кола вблизи Арабского университета только убитых насчитали более ста, в основном это были дети, старики и женщины. Причем часть раненых так и не удалось вытащить из огня пожаров, и эти несчастные сгорели заживо.

Отвечая на вопросы местных журналистов, премьер-министр Ливана Шафик Ваззан прямо заявил, что это — дело рук израильской агентуры.

Когда гигантский огненный шар с грохотом поднялся над кварталом, в первый момент все подумали, что началось новое нападение израильских самолетов на Бейрут. Ведь израильская авиация постоянно вторгается в воздушное пространство Ливана. На этот раз других взрывов не последовало. Преодолев неизбежный шок, вся уцелевшая часть населения микрорайона бросилась на помощь пострадавшим. Мусульмане и христиане, ливанцы и палестинцы, городская полиция и даже иностранцы, оказавшиеся поблизости, перевязывали раненых и изувеченных людей, бывших на улице и в магазинах в момент взрыва, отправляли их в госпитали на санитарных и обычных машинах.

Чтобы открыть дорогу санитарам и пожарным, подоспевшие бульдозеры и краны буквально проламывали путь через горящие завалы. От едкого дыма, застилавшего сжатую высокими домами улицу, было трудно дышать. Санитары надевали противогазы и бросались в горящие дома. И в этот момент на той же улице был обнаружен и обезврежен еще один заминированный автомобиль, поставленный так, чтобы убить людей, борющихся с последствиями первого взрыва.

Наконец приблизились пожарные машины. Десятки добровольцев помогали бойцам пожарных команд. Люди руками зажимали дыры в шлангах, прорезанных острыми краями металлического лома, покрывавшего мостовую, подтаскивали шланги прямо к огню. Бившая во все стороны вода висела в воздухе, как дождь. Микрорайон выглядел так, как будто его обстреляли из тяжелых минометов...

Кому нужен весь этот кошмар?

Пожилой человек в отлично сшитом, дорогом, но порванном и обожженном костюме, с лицом, запачканным сажей — он участвовал в тушении пожара,— так ответил на этот вопрос:

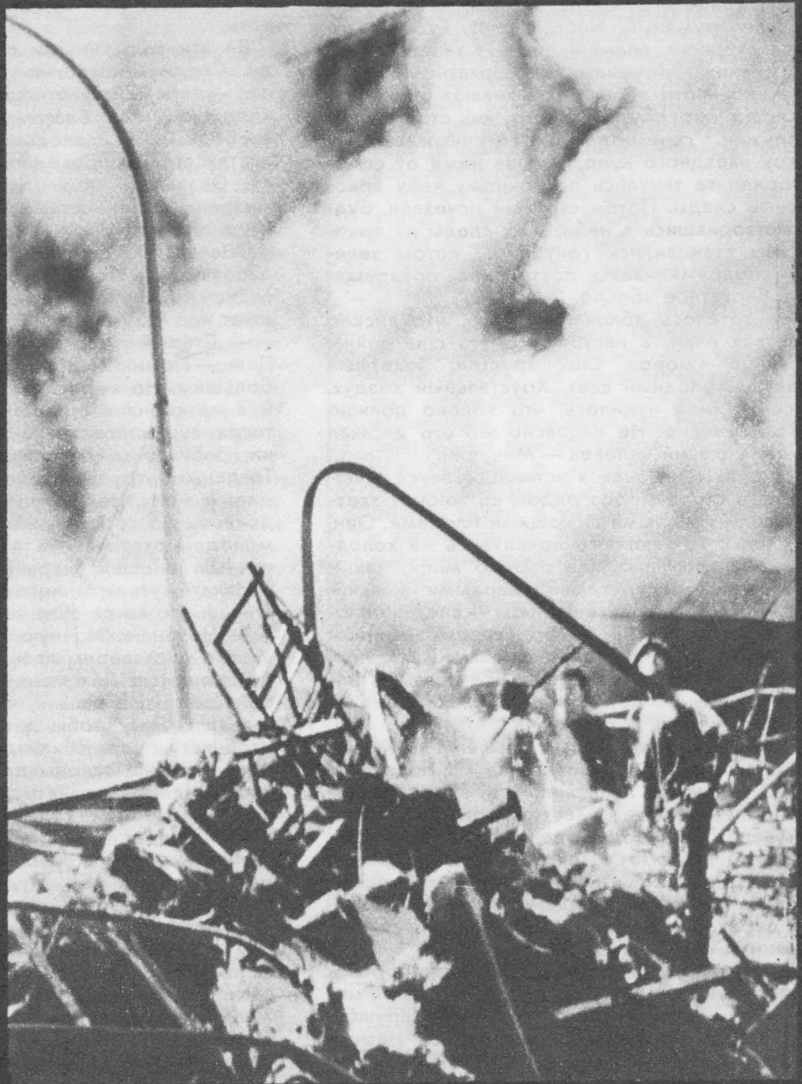
— Уж, конечно, не нам, ливанцам! Скоро будет семь лет, как длится эта война. Не успели вздохнуть после обстрелов и бомбардировок — теперь они нас взрывают... И, безусловно, не палестинцам, которые уже более тридцати лет живут в изгнании и думают только о том, как бы вернуться домой. Разве вы не видите, что здесь происходит? Арабы платят своей кровью за то, что господин Рональд Рейган называет «американскими жизненными интересами на Ближнем Востоке».

Временное решение ливанского кризиса оказалось на поверку не только временным, но и очень ненадежным. Это «решение», навязанное Ливану миссией Ф. Хабиба — посланца президента США, неизбежно вызвало усугубление напряженности в ближневосточном регионе, и особенно в Ливане. Здесь за последние месяцы в результате артиллерийско-минометных обстрелов, бомбардировок и взрывов автомобильных мин убито более тысячи человек, а число раненых никто даже не решается назвать...

Видимо, все это устраивает американскую и израильскую администрацию. Но это не устраивает ни граждан Ливана (даже самого правого толка), ни полмиллиона живущих в стране палестинских беженцев. Решение ливанского кризиса неразрывно связано с установлением честного, справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке. Этот то тлеющий, то бурно разгорающийся очаг войны давно пора потушить.

Бейрут.







УТРО СВЕТЛОГО ДНЯ

Юван ШЕСТАЛОВ

Встает доброе утро шестидесятилетия Союза ССР... Утро, даруй мне слово, и я скажу о мире, о людях, сердца которых обращены к созиданию, руки которых заняты большой работой. И да будут слова, сказанные мной, отблеском виденного, прочувствованного, когда я шел по земле.

Случилось так, что яблоко впервые я увидел на елке. Она стояла посреди самого большого класса нашей школы. Стройная, нарядная, сияющая игрушками. Бумажные кораблики и самолетики, еловые и кедровые шишки, рябчики, висящие на зеленых еловых ветвях. Среди этих привычных и обыкновенных для северного мальчика вещей было одно особенное — яблоко. Румяное и бархатистое, оно казалось издали живым-живым, вкусным-вкусным, как строганина из нельмы.

Я никогда не ел еще яблока. Но вкус его, кажется, познал с того самого мгновения, когда только-только научился читать, когда только-только учительница успела сказать самые главные слова о великих творцах и преобразователях земли...

Среди славных имен было одно особое: Мичурин. Он уживался в детском полуязыческом сознании, как некий дух земли и зелени, как человек, идущий по земле с румяным яблоком в руке.

А на улице — румяные звезды, небо румяное, снег румяный. Небо играет. Густо-малиновые отблески пламени пляшут танец северного сияния. Временами на бархатно-красном фоне небесного яблока вспыхивают белые лучи, словно перламутровые стружки строганины.

Стружки стремительно летели к самому центру звездного купола. А за ними от самого горизонта тянулись по ночному небу яркокрасные следы. Потом стружки исчезали, будто растворившись в небе, а их следы из яркокрасных становились голубыми, потом зелеными, подрумяниваясь постепенно, превращаясь в бархатное яблоко.

Мне хотелось яблока. Не того, что висело на ветвях елки, а настоящего. Но шла война. На улице — мороз. Снег хрустел. Холодные барханы. Холодный свет. Хрустальный воздух. И все же мне чудилось, что яблоко должно хрустеть вкусно. Не напрасно же его держал в руках великий человек — Мичурин.

Долго еще не знал я истинного вкуса яблока, долго еще стоял мороз рядом со мной и звезды висели тяжелыми сияющими плодами. Они, как следы, то таяли, то появлялись на холодном небе. Но на земле передо мной, как и перед многими другими северными мальчиками, открылись другие следы — следы человеческих мыслей на бумаге, следы знаний и книг. И я пошел по этим следам. С тех пор, шагая по земле, я открываю все новые и новые ее тайны. И вот дорога привела меня на землю Мичурина.

Я ходил по Мичуринску, побывал в доме-музее великого преобразователя природы, подышал воздухом мичуринского сада. Душевное волнение охватывает каждого от соприкосновения с чудодейственными садами мичуринской земли, где все обычно и необычно, как в сказке. Сказка нагнулась ко мне зеленой веткой с румяными плодами. Я сорвал яблоко с дерева, посаженного еще самим великим садовником.

Но теперь я думал не только о преобразователях природы, но и о строителях нового мира, главным девизом которого стали: дружба, братство, созидательный труд людей разных языков и рас...

Радостным волнением волнуясь,
Восхищаясь свежестью
крутой,
Яблоко, в тебе я вижу юность,
Ты кристальной дышишь
чистотой.
Все, что спето, что еще
не спелось,
Все идет из песенной зари.
Яблоко, в тебе я вижу зрелость,
Над которой свищут
снегири,
И живые голубеют реки,
Седина не зреет на виске...
Думаю о нем, о Человеке,
Человеке с яблоком в руке!

О том, на что способен советский человек-творец, какие свершения ему под силу, мы с огромным интересом читали в книге «Воспоминания» Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева. Наша советская эпоха не только разбудила к творчеству миллионы людей, она помогает каждому из них стать личностью. Известно, что личность тем богаче духовно, чем шире ее общественные связи. Возможности у советских людей здесь поистине неограниченные: участие в управлении производством, в общественной жизни, в работе партийных и государственных органов. Хозяева страны — это не отвлеченное понятие, это реальность наших дней. Хозяевами страны сделали советских людей их труд, их подвиги, битвы тех шести десятилетий СССР, что мы будем торжественно отмечать.

За эти годы иными стали страна и ее люди. Среди множества перемен самая главная — перемена в отношении к труду. Из проклятия он стал благом, из подневольного — свободным. В последнее время в разных областях страны проводились опросы трудящихся. Оказалось, что для большинства в ряду жизненных ценностей на первом месте стоит труд, его содержание, наполненность.

...Вечер. Со старым манси Паялом Самбиндаловым мы стоим на берегу реки и тихо беседуем. Лишь дремотный кедровый бор слушает нас.

— Старый кедр помнит многое,— говорит Паял.— Помню тебя маленьким. Вырос ты большим. Но выросли ли твои думы? Когда-то и я не верил в старость. Она, конечно же, и тогда существовала рядом со мной. Дедушки, бабушки... Но они казались сказочными. Тогда мне трудно было осознать,— это ожидает и меня. Не хотелось верить. Кажется, это длилось до сорока пяти лет. Молодой рыбак, молодой охотник. Не чувствуешь ли ты себя вечным юношей? Пора тебе, пора... Пора тебе осознать суть истинного счастья.

— А что такое счастье?

— Не знаю. Но чую. У каждого оно свое. У кого оно зверем лесным ходит, рыбой в воде плещется. Для меня мое счастье, чтоб рыба в воде плескалась, чтоб зверь в снегу оставлял следы, чтобы дети рождались и росли. Чтоб дети продолжили дорогу отцов, не забывали вековые законы предков. Надо прожить жизнь, чтобы осознать это не только умом, а всем трепетным существом своим. Вот что такое мудрость старости. Мне бы хотелось, чтобы мудрость пришла к вам, молодым, пораньше, чем к нам. Мудрость человека должна ликовать в зрелые его годы...

Солнце уже село. Но его лучи обагряли ярким пламенем края облаков. Казалось, облака были обшиты красной каймой с розовым отливом. В реке плеснула рыба. И я подумал: без рыбы нельзя жить манси. Рыбы не будет — манси не будет. Рыба будет — жизнь будет. Так старые манси сказывали. В последние годы здесь рыба появилась. То ли большая вода помогла, то ли сказывается работа рыбоводов. Но всегда ли мы бережно относимся к богатствам нашим?

— Слышал, что в Игриме, да и на Пунге, газ кончился. Выкачали его за каких-то десять лет...— продолжал старик.

А вот рыба в реке, соболь в тайге да и сама тайга — богатства особые, самовозобновляющиеся. Каждый год снова река родит рыбу, а лес — зверя. Бесконечно будет так, если относиться к этим дарам по-хозяйски.

...Грусть сквозила во взгляде дяди Паяла, когда мы прощались. Большая грусть. И как напутствие звучат его слова:

— Цену покинутому дому узнаешь потом,— так в народе говорят.— Кто не оценит малого, тот не оценит и большого. Кедру цена по шишкам и орехам, человеку — по труду. Трудись на совесть, народ похвалит.

Да, богата наша земля! И нефть, и газ, и лес, и рыба, и пушнина! Всего, кажется, вдоволь. Но именно богатствам нужен хозяин, который скажет вовремя: «Не транжирь! Умей не только брать, но и сохранять!»

Не консерватор ли Паял? А может, он и есть настоящий хозяин? Ведь печется-то не о себе. Он требует разумной бережливости, внимания к природным богатствам, хозяйского отношения ко всему на нашей земле, ко всему, что создано в большом доме, большой братской семьей советских народов.

* * *

Когда бываю в родном краю, обязательно приезжаю поклониться кедрам, под которыми покоятся мои предки: мать, бабушка, дедушка. В деревне Камрадка, где когда-то я сделал первый шаг, никто теперь не живет. Под «неперспективные» попала она. Родственники мои живут теперь в большом поселке Ванзетур.

И все же это место никогда не пустует. Здесь всегда можно встретить ягодников, грибников, рыбаков, охотников. Древние умели выбирать место для жилья. На каменистом берегу, я знаю, здесь всегда по осени глухари камешки собирают. Здесь же, на этих подводных камнях, нельма любит водиться.

И вот случайно я встретил тут человека, одного из тех, кто преобразует сегодня мой Тюменский Север... Иван Георгиевич Сухарев. Начальник треста «Приобьтрубопроводстрой» оказался страстным спиннингистом. Приехал из Игрима, почти за сотню километров. Будто бы здесь, на реке моего детства, ему улыбнется в этот воскресный день нельма...

Я поблагодарил его за то, что они в моем родном поселке Ванзетур построили прекрасную школу, оборудованную современно, по последнему слову техники, эстетики. Оставлены нетронутыми березки вокруг школы. Современное убранство коридоров, классов. Спортивный зал. Слышал, обещают построить теплицы, чтобы у детей была своя зелень, овощи. Радовался небольшой новой гостинице, бане. Обещают построить дом для учителей. И все это шефы из треста «Приобьтрубопроводстрой», руководитель которого стоит рядом и пытается поймать нельму в реке моего детства, которую манси называют Порн-посал, что обозначает в переводе «Поперечная река». Она соединяет воды Оби и Сосьвы и может течь даже вспять.

Я одолеваю Ивана Георгиевича вопросами, и он охотно рассказывает:

— Мы строим трубопроводы. По сибирским масштабам недалеко отсюда, от стойбища твоих предков. Огонь земли Заполярья идет по твоей земле... Главное сегодня Уренгой. Жемчужина. Это удивительное месторождение. Ближайшие пять лет прирост добычи газа Советский Союз в основном будет получать за счет Уренгоя. Для транспортировки такого огромного количества газа по Западной Сибири за пять лет должны быть проложены еще несколько трансконтинентальных трубопроводов. А что такое газ? Помимо многого прочего, это еще и энергия. Каждый газопровод диаметром почти полтора метра при давлении в семьдесят пять атмосфер несет огромное количество энергии — больше, чем вырабатывают все гидроэлектростанции крупнейших сибирских рек — Енисея и Ангары, вместе взятые... Вот что такое «огонь твоего Севера».

Я задаю моему собеседнику и каверзные вопросы. Передаю ему недавнюю беседу со старым манси, его боль, тревогу за будущее нашей реки, леса, земли...

— Не иссякнут ли запасы Уренгоя, так же как месторождения нашего Березовского района, где в пятьдесят третьем впервые открыли газ Сибири?

— Ученые убеждены, что структура этого месторождения уникальна. Она напоминает слоеный пирог. Так считает академик Андрей Трофимук, один из первооткрывателей тюменских кладовых. И геофизики так считают: глубокие горизонты подземной кладовой содержат под газовыми залежами нефть и газовый конденсат — ценное сырье для нефтехимической промышленности. Я строитель. Наше дело — строить. Но мы строим, уверенно глядя в будущее.

— Но на вас, строителей трубопроводов, часто ропщут, что рыба... Газопроводы, пересекающие реки, стали своеобразными рыбозаградителями. Шум пугает рыбу, и она дальше не поднимается. Директор Березовского рыбокомбината Василий Афанасьевич Новоселов снабдил нас справкой: в верховья Северной Сосьвы из-за газопровода не стала подниматься сосьвинская селедка, нежнейшая, редкостная, уникальная в своем роде рыба...

— В этом виноваты не столько мы, сколько проектировщики из ленинградского института «Гипроспецгаз»...

— И все же друг на друга кивать...

— Мы будем возмещать. Строим же твой Ванзетур...

Простились мы друзьями, понимающими друг друга людьми. Хочется верить, что строители, нефтяники, газовики не только дадут энергию, столь необходимую людям, но и повернутся лицом ко всем их проблемам, возникающим на земле тайги и тундры, где шаг человека, вооруженного огромной техникой, должен быть обдуманным и дальновидным. И я сказал Ивану Георгиевичу:

Газопроводы, друг мой, строй
Как человек большой!
Будь рыболовом — с головой,
Охотником — с душой!
Чтоб не расплакался навзрыд
Мой заповедный край,
Чтоб не был соболь перебит,
Не вымер горностай...

Тюмень дает энергию стране. И на Уренгое и на Самотлоре. Тюмень называют «осью вращения промышленности» страны. Здесь недавно добыта двухмиллиардная тонна нефти. Чтобы добыть миллиард тонн, Баку потребовалось 104 года, а Тюмени — только 14. Как назвать это? Сибирским ускорением? Вся страна, в свою очередь, работала на Тюменский Север. Ленинград поставляет газоперекачивающие агрегаты, строит город Новый Уренгой. С предприятий Литвы идут дизель-генераторы, электрооборудование. Автостроители Киргизии присылали самосвалы. Коллективы объединений из Свердловска создавали для сибиряков буровые установки. В Азербайджане бакинские машиностроители работают под девизом «Заказы Тюмени». Досрочно и с высоким качеством отгружают здесь сибирским нефтяникам агрегаты для исследования скважин, глубинные насосы, качалки...

В добыче «черного золота» и «голубого огня» принимают активное участие и братские социалистические страны. В Нижневартовске введен в строй завод по ремонту чехословацких «Татр», колонны которых идут по тундровым топям, таежным дебрям... Сибирские нефтяники и газовики получают болгарские овощи и фрукты, чешскую обувь, мебель и одежду из ГДР, точные приборы из Венгрии.

Во время Дней литературы в Ленинградской области мне посчастливилось побывать в городе Петрокрепость на Невском судостроительно-судоремонтном заводе и познакомиться со многими интересными людьми. Среди них Виктор Александрович Шляхтов, секретарь партийной организации завода. Человек удивительных душевных качеств, специалист своего дела, кандидат технических наук, страстный книголюб, он возглавляет организацию книголюбов района. Проходя с ним по всем участкам предприятия, прислушиваясь к его разговорам с рабочими, невольно подумал: сегодня партийный руководитель немыслим без глубокого знания жизни. Шляхтов не любит рассказывать о себе, но с увлечением говорит о делах завода, о своих товарищах-судостроителях, о бригадах, возглавляемых кавалером ордена Ленина Н. В. Гордеевым и молодыми коммунистами В. Н. Ивановым и Н. С. Кудрявцевым. С особым волнением и гордостью знакомит с планами экономического и социального развития. Предусмотрены значительные социальные и культурно-бытовые преобразования и на заводе и в городе. Планы большие. И хочется верить, что коллектив завода одолеет их. Умеют здесь считать и экономить, достигать большего силами меньшими, чем требуется. Умеют здесь коммунисты вести за собой людей. А как же иначе? Именно они призваны непримиримо бороться с расхлябанностью, нарушениями дисциплины и порядка на производстве, первыми проявлять инициативу, идти в авангарде социалистического соревнования.

Заботой о благе народа, о мирном будущем нашей земли — этими мыслями пронизаны все планы и дела партии. А будущее земли немыслимо без сохранения бесценного богатства природы. В Ленинграде очень многое делается для охраны окружающей среды. Оказывается, и здесь, в великом индустриальном городе, нужна и такая редкая профессия, как охотовед.

...Мы сидим с Геннадием Николаевым у костра. Гена — техник-охотовед Онцевского лесничества Сиверского лесхоза.

— Ничего, наведем порядок и в нашем лесу и на Оредеже... Никто здесь не следил — вот и безобразничали. Стреляй где угодно, лови рыбу кто может. Как дому нужен хозяин, так и к природе нужно относиться по-хозяйски.

Гена Николаев неутомимый и редкий в наши дни охотник. Настоящий охотник. По душе. По крови. По призванию. Кажется, весь лес вокруг Вырицы исходил. Выдастся свободная минута — рюкзак за спину и в лес. Законом жизни Гены стало, где бы до этого ни работал — в милиции ли, на заводе, отпуск всегда проводить в лесу, на охоте. Заключал договор на сдачу пушнины в Вырицкую заготконтору и шел на промысел в вырицкий лес. Кто-то удивится, что рядом с Ленинградом может быть охотничий промысел. Оказывается, есть. И немалый. Ондатра, бобер, куница, норка, лиса. «Мягкое золото». Да брать это золото не легко. И стóящие охотники почти перевелись. Браконьеры с ружьями, так те попусту палят. А чтобы взять серьезного зверя, не хватит им упорства и умения. Главная, идущая издревле заповедь охотника — не столько брать, сколько охранять, пополнять. Замечено: истинный охранитель всегда тот, кто заинтересован в жизни леса, воды, ее даров. Истинные стражи природы — это охотники, рыбаки.

...В беседе время летит быстро. Вот и луна, присев на мгновение на дерево, спряталась за лес, приглашая зарю. Скоро мы уйдем в глубь леса слушать зимнее утро. В сумерках мы идем под низкими сводами деревьев. Ни звука, ни шороха. Все живое еще спит в ожидании ликующей зари. Мы вспоминаем, как в старину говаривали: «Кто исполнен сострадания к гибнущей рыбе, падающему дереву, сохнущей речке—достоин имени Человека». Сегодня, в век НТР, важно охранять не только природу, но и самую природу в человеке, все доброе, что идет из глубины веков. Извечно мир принадлежал труженику.

Человек всегда обретает счастье в постоянном созидании и борьбе за новое. Много вдохновенных и прекрасных песен сложено о человеке-творце, герое нашего времени. А сколько еще впереди таких песен! Ведь именно трудом наших людей—будь то на Самотлоре, БАМе или в полях Казахстана, Украины, Нечерноземья — создается наше настоящее, наше будущее. Советский человек, воспитанный в духе интернационализма и патриотизма, не замыкается в той среде, где родился, рос, учился. Он всегда там, где нужнее Родине, народу. Никого не удивляет, что сегодня мы встречаем узбека на стройках российского Нечерноземья, грузина — на прокладке Байкало-Амурской магистрали, ленинградца — на Крайнем Севере. Чувство семьи единой присуще каждому гражданину Страны Советов.

...Новый год... Новые заботы. Отпразднуем праздник — и работать пора.



СССР 60 ЛЕТ

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

1982 год — год шестидесятилетия Союза Советских Социалистических Республик. Советские люди, в какой бы республике, крае, области ни жили, к какой бы национальности ни принадлежали, испытывают чувство общенациональной гордости за свою социалистическую Родину. В редакционной почте часто встречаются письма-воспоминания, в которых, как в капле воды, через частное, личное зримо встают исторические этапы большого пути нашего многонационального государства. Ведь жизнь человека неизбежно переплетается с жизнью страны. Общая радость, общая беда входит в судьбу каждой отдельной семьи, и личная жизнь человека накрепко сплетается с днем Родины, трудовым и ратным. Современная молодежь давно не знает забот о куске хлеба и крыше над головой, голода и холода, которые пришлось испытать дедам и отцам, сражавшимся за становление Советской власти, за мирную жизнь. Но как не вспомнить того, что свято хранит память: строительство Днепрогэса и Магнитки, Комсомольска-на-Амуре, первые студенческие отряды на целине. Раскройте ваши семейные альбомы, переберите архивы, внимательно посмотрите на стенды краеведческих музеев, и вы обнаружите интереснейшие человеческие документы.

Дорогие читатели, редакция обращается к вам с просьбой принять участие в конкурсе «В семье единой».

Расскажите коротко, как в вашей судьбе, в судьбе близких вам людей, в биографии вашего города, поселка нашла отражение братская дружба, взаимовыручка людей разных национальностей, населяющих нашу страну, ее шестидесятилетняя история. Это может быть рассказ о лично вами пережитом, увиденном, рассказ о конкретном случае или об одном эпизоде — словом, рассказ о дорогих нам примерах проявления дружбы и взаимодействия в общем труде, в развитии культуры, науки, в повседневном быту. Эти заметки должны обязательно сопровождаться фотографией, отражающей то или иное событие.

Самые интересные работы будут опубликованы в «Огоньке». Срок конкурса — до 31 декабря наступившего года.

Победители конкурса будут отмечены премиями.

Первая премия — подписка на журнал с приложением.

Две вторые премии — подписка на журнал «Огонек».

Поощрительные премии — памятные дипломы.

Размер материала не должен превышать 4—5 страниц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Ждем ваших материалов, дорогие читатели! На конверте просьба указывать: на конкурс «В семье единой».



С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

ПРИСЯДЕМ, ДРУЗЬЯ...

Есть хороший русский обычай — присесть на минуту перед дорогой. Не торопясь, подумать о будущем и оглянуться на прошлое. Мы переступили порог 1982 года. Но прежде чем сделать это, каждый из нас вспомнит год уходящий. Его главное событие. Для меня и моих товарищей он, наполненный упорным трудом, стал по-особому памятным. Во-первых, наш завод, один из старейших в городе, отметил свое 75-летие. Что и говорить, возраст почтенный. За это время пройден огромный путь—от кустарной мастерской до мощного современного предприятия. Сегодня машины, изготовленные на нашем заводе и предназначенные в основном для предприятий цветной металлургии, работают в тридцати с лишним странах мира и почти во всех уголках Советского Союза.

Мы, слесари-сборщики, можно сказать, вдыхаем в машины жизнь. А для этого нужны и знания и опыт. Закономерно, что все члены бригады имеют высокую квалификацию и большой стаж работы. Вот хотя бы наш ветеран Петр Никифорович Гараничев. Тридцать семь лет он отдал заводу. Как была в его трудовой книжке одна-единственная запись, так и осталась. В феврале Петр Никифорович должен был уходить на пенсию, мы его поздравили, сказали много хороших слов, а он улыбается:

— Вот свой законный отпуск отгуляю, и опять в цех. А куда я без работы?!

Так и сделал. По-прежнему трудится на своем месте, и трудится, как всегда, отлично. Руки у него золотые.

Многие мои товарищи с полным правом могут назвать себя ветеранами. Посудите сами. В бригаде восемнадцать человек, их общий трудовой стаж составляет более пятисот лет, и все они прошли здесь, на родном заводе. Каждый из нас, говоря словами песни, с благодарностью вспоминает «...ту заводскую проходную, что в люди вывела меня».

Общие заботы, общие стремления — все это делает бригаду похожей на дружную семью. Все вместе радовались мы в прошлом году вместе с Константином Михайловичем Бектяшкиным, награжденным за ударный труд медалью, с интересом слушали Виктора Яковлевича Пеха, побывавшего в туристической поездке в Монгольской Народной Республике. Памятен минувший год и для меня. На конкурсе профессионального мастерства, который проходил в дни заводского юбилея, я занял среди слесарей первое место. Да, еще одна новость: приобрел «смежную» профессию семейного консультанта. Дело в том, что дочь перешла на третий курс института народного хозяйства, изучает экономику труда. И вот приходится на конкретных примерах показывать ей, как определяется стоимость продукции, как начисляется зарплата... А куда денешься? Может, на наш же «Труд» и направят после окончания института. Надеюсь, что краснеть за нее не придется...

...Новый год стоит на пороге. По традиции принято высказывать пожелания. И я желаю своим товарищам по работе, всем советским людям счастливых дней.

Борис ЗАЙЦЕВ,
бригадир слесарей-сборщиков завода «Труд»,
кавалер ордена Трудовой Славы III степени.

Фото С. Дятлова

Новосибирск.

БЫЛ В ГОРОДЕ АМБАР

Здесь происходили самые животрепещущие события Таллина — Ревеля XVII века. Вот Михайловский монастырь продает участок земли школе, а школа чуть позднее уступает — за деньги, конечно, продает — часть своей земли некоему Конраду фон Вангерсхейму, который намерен был построить тут амбар. Купив дорогой участок, Конрад чуть было не разорился и быстро перепродал его Иоханнесу Андреасу фон ден Палену. Пален стал строить амбар, а он истощил и Палена и за то был перепродан Дитриху Реймерсу, и уж Реймерс перемогся — воздвиг его в 1695 году. Но в 1710 году амбар был передан городу и стал государственным хранилищем зерна.

В качестве склада массивное, по-своему красивое здание просуществовало более двух с половиной веков. А десять лет назад студентка Таллинского художественного института Аала Булдас подготовила интересный дипломный проект: этот самый амбар превратила в музей прикладного искусства. Она предложила обновить полы, потолки и построить лестничный пролет, ибо, как известно, средневековые амбары в лестницах не нуждались: зерно вынималось через чердачное окно лебедками. Проект был принят таллинским горисполкомом, перестройка доверена Аале Булдас. И летом прошлого года в Таллине открылся музей прикладного искусства. Здесь нет изделий народных мастеров, выставлены только работы профессиональных художников-прикладников, работы, являющие высокий уровень эстонской школы прикладного искусства. Две тысячи предметов — воплощение таланта и фантазии — пленяют взоры многочисленных посетителей. Еще три тысячи хранятся в запасниках: экспозиции будут часто меняться.

В лестничном пролете сквозь этажи проходит огромная лампа — она похожа на прямой ствол высокого дерева с плодами и цветами. Под анфиладами белокаменных сводов, под могучими дубовыми балками перекрытий — витрины с экспонатами. В их устройстве, в дизайне интерьера проявилось искусство Майта Сумматавета. Изящно оформила выставку Тийу Ласcь. Первый этаж открывается как бы визитной карточкой города: слева во всю стену протянулся ковер-композиция Малль Томберг «Старый город».

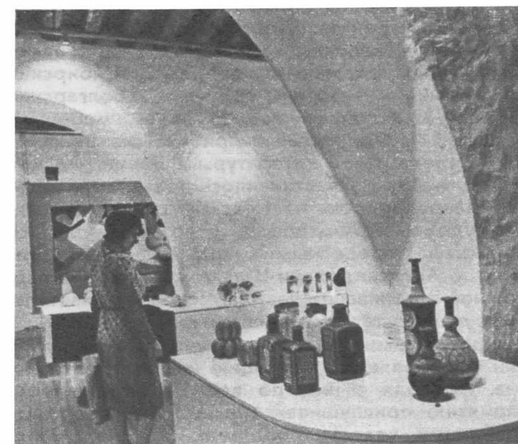
В витринах керамика современных форм и линий, декоративными пластинами украшены лестничные пролеты. На втором этаже стекло: прозрачное, тусклое, молочное, пестрое, яркое, удивительно, сколько форм и обликов может оно принять. Выше целый этаж обыкновенного металла: медь, латунь, никель. В какую красивую посуду, изысканные украшения превратили его художники!

Был в городе амбар — стал храм тонкого, повседневно нужного людям искусства. И сколько еще в Таллине и в других городах нашей страны пустующих башен, древних храмов, старинных амбаров? И сколько выпускников художественных институтов могли бы предложить в своих дипломных работах проекты их перестройки для выставочных и концертных залов, для музеев народного и прикладного искусства, творения которых из-за недостатка места в музеях и выставочных залах десятилетиями скрываются в запасниках?

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

В музее — старинном амбаре.

Фото В. Сальмре





А. Мягков. Род. 1924. ПЕРВЫЙ РЕВКОМ ЧУКОТКИ. 1981



Т. Чепикова. Род. 1948. НОВЫЙ ГОД. 1980—1981

ДОБРОТА, ЧТО ДУШУ ЛЕЧИТ

По традиции новогодние поэтические полосы мы предоставляем поэтам, чей творческий путь, можно сказать, только начинается. Таковы студентка Елена Лаптинова и журналист Анатолий Телес, которые впервые выступают со своими стихами в центральной печати.

А журналист радио Анатолий Петров, уже автор двух поэтических сборников, редактор издательства Евгений Крижевич, инженер Александр Жуков, Сергей Алиханов и Хусей Джаубаев выпустили в свет по первой своей поэтической книге.



Анатолий ПЕТРОВ

НИЧЕГО МНОЙ НЕ ЗАБЫТО

Ничего мной не забыто
Из блокадной той поры:
Чьи-то ласки мне открыты,
Чьи-то руки деловито
Отдают свои дары...
И меня сегодня плесень
Не покроет, не сожрет.
Потому что день чудесен,
Потому что дождь, отвесен,
Мирным городом идет...
Потому что мне и ныне
Доброту людей беречь:
Ту, что сердцем не отринуть,
Ту, что с плеч моих не скинуть,
Ту, что временем не сжечь.

КАЛИТКА

Куда спешит косяк отважных,
Все забирая круче ввысь —
Где больше рос,
Тугих и влажных,
Туда, где зори запеклись?
Счастливый путь, хорошей доли
Крылатым странникам навек.
Быть может, где-то на раздолье
И вы смирите вечный бег.
Я с домом расстаюсь, бывает,
Но и за тридевять земель
Мне видится, что клен кивает,
Мне слышится — поет капель.
Земные, памятные звуки,
В них чудится старинный вальс,
И кажется, родные руки
Подхватят и закружат нас.
И сердце усмирит тревогу,
И грусть за плечи не возьмет,
И словно выйдешь на дорогу,
И вспомнишь, как светло поет
Калитка дедовского дома,
Сработанная топором,
И так поет она знакомо,
Что слышно даже за селом.

ЧЕРЕМУХА

Приснилась черемуха мне,
Как будто, густа и пьянящя,
Раскинулась в звездном окне,
И нет ее запаха слаще.
Приснилась черемуха мне,
Как будто стоит при дороге,
И сам я иду от порога
Навстречу цветущей весне.
Приснилась черемуха мне.
Над черным склонилась оврагом,
Где буйные травы на дне
Пьют синюю сладкую влагу.
Приснилась черемуха мне,
Что вот отцвела и поблекла.
Но это уже не во сне —
Морозом подернуты стекла.

Ленинград.



Евгений КРИЖЕВИЧ

КОНЬ

Ладони над костром отогревали,
Картошку мерзлую пекли в золе...
Промчатся кони красные!
Мы знали,
Мы ожидали их в рассветной
мгле.

Сомкнуть глаза боялись
до восхода,
Но только лишь забрезжила
заря —
Из тьмы ночной, подобные
уродам,
Чужие танки выползли в поля.

Они ползли. А мы, застыв,
молчали.
По детским лицам тени шли
крестом.
Внезапно — конь! Не красный,
просто чалый,
Обыкновенный работяга конь!
Он вздыбился над синими лесами,
Железный звон из-под копыт
простер...
И зарычали пулеметы псами,
Расстреливая чалого в упор.
Заря упала на поле подранком.
Дыханье жизни сдавлено огнем.
И, не успев родиться утром
ранним,
День умирал застреленным
конем.

ЗЕМНАЯ НОЧЬ

Звезды падают в озера серебром
зернистым.
Стаи рыбок красноперых спят под
гладью чистой.
Словно утка, лодкой медной —
месяц в тихих водах.
Мятой и душистым медом полон
ветра выдох.
Обнимается с туманом берег
тенью мглистой.
И звенят, склоняясь станом,
ивушки в монистах.
Кем-то вспугнутая, крикнет
птица ненароком.
Ткет таинственные нити ночь
в тиши глубокой.
Чутко слушает: тебя ли?
Шорохи ль ромашек?
Мой ли голос? Говор дальний? —
Все сплетает в пряжу.

ЧЕРТОЧКА

Сомкнули ряды
Календарные даты.
Стоят: сорок первый —
Тире — сорок пятый.
А в черточке этой
Со временем спорят
История гнева,
История горя.
История боли,
Труда и тревоги.
Народная доля.
Дороги, дороги...
Вся жизнь поместилась
В той черточке краткой —
От первых шагов
До могилы солдатской.

Перевела с украинского
Людмила БУКИНА.

Киев.



Александр ЖУКОВ

●

В мире символов страшно зябко.
И, наверное, не к добру
одиноко стучит морзянка,
словно дятел в глухом бору.
Будто клювом стучит о наледь.
И все то же, и все одно...
Может, кто-нибудь «SOS»
сигналит?
Может, кто-то идет на дно?
То слабее волна, то выше.
Звуки тонут и вновь плывут.
Там надеются — их услышат.
Там уверены — их поймут.
Эх, радист! Ты сигналишь ловко.
Но постой, но послушай, брат.
Для меня твой язык — шифровка.
И другие в ответ молчат.
Ты попробуй, скажи открыто,
приоткройся хотя б на миг.
Чтобы бросило в дрожь от крика,
не от выстуков ледяных.
Чтоб слова западали в душу,
огоньки твоего огня.
Ты послушай, радист, послушай,
если сможешь понять меня.

ПЕСНЯ

Птица пела, и светлели тени.
Птица пела, и метался мрак.
Но сказал знаток по части пенья,
что она поет совсем не так.
Глупая,
послушалась совета.
И запела, позабыв свое,
то, что было пето-перепето
птицами другими до нее.
Может, и у сердца — тоже голос?
Может, и оно, как соловей,
хочет петь про радость и про
горесть
в песне непохожей, но своей.

●

Заштормило. Качает на славу!
Разберись-ка, всерьез или всмех?
То на левый кладет, то на правый,
то опустит, то выбросит вверх.
Не до скорости в качку такую.
Лишь бы шлюп удержать на плаву.
Лишь бы знать,
на волну поднимаясь крутую,
что не просто качаюсь — плыву!
Лишь бы верить и с веры не
сбиться,
на мгновенье взлетев на волну,
что я птица, крылатая птица —
перед тем, как нырнуть в глубину.

АПРЕЛЬ

На упругий холст
поспешной кистью
он кладет, от нетерпенья злой,
синеву земли и зелень листьев,
за мазком мазок, за слоем слой.
Словно взмахи крыльев вольной
птицы,
живопись раскованно легка!
Но тревога скрытая сочится
сквозь густую синеву мазка.
Будто где-то там,
за синим скатом,
где творить апрелю не дано,
разорвалось грозовым раскатом
неба голубое полотно.

Москва.



Елена ЛАПТИНОВА

●

Отныне боль в моей крови
Прозреньем тихим увенчалась.
Твой взгляд меня благословил
На трудного пути начало.

●

И снова потревоженная память
К земле зовет,
где предков голоса
Звучат в деревьях, в облаках
и в камнях,
Где смотрят их бессонные глаза.
Как перейти прогнивший мост
над речкой,
Как дверь открыть
в родной и светлый дом
И снова услыхать слова и речи
На языке понятном и родном?

Смоленск.



Анатолий ТЕЛЕС

ДОБРОТА

Совершить порой немного надо,
Чтоб звездой в сердцах других
гореть:
Принеси поступком людям
радость,
Добрым словом душу им согрей,
И тогда тебя не позабудут
До глубокой старости они:
Доброта, что душу лечит людям,
На земле в почете искони.

ЛЕЖАЧИЙ КАМЕНЬ

Жил спокойно, сосредоточенно,
Без разладов больших и ссор
И, где надо, молчал
многоточием —
Из избы не выносят сор.
И в восторге кричали мещане:
«Человек! Вот умеет жить!»

Для земли он — лежачий камень,
Под который вода не бежит.

г. Новошахтинск,
Ростовской обл.



Хусей ДЖАУБАЕВ

●

Поют ручьи — питомцы наших гор,
Рокочут ветры, ропщут
водопады —
У всякого — особый разговор,
Но слуху горца он всегда отрада.
У всякого — мелодия своя,
Свое старанье и свое уменье...
Но каждый славит радость бытия,
Но каждый славит торжество
цветенья.
Вот так же истов каждый мой
земляк,
Свой труд вливая
в труд родной Отчизны,
Чтоб мирно реял над землей наш
стяг,
Чтоб гимн звенел один — во имя
жизни.

●

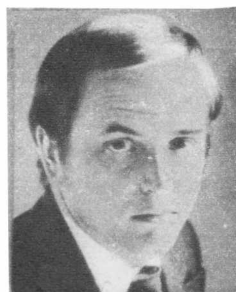
Вершинам гор папахи ледников
К лицу, как старикам к лицу
седины.
Несут они сквозь пестроту веков
Красу свою издревле и доныне.
А туры да орлы — соседи
ледникам —
На пики гор отнюдь не посягают,
И ледники, покорные векам,
Покой, как сказку гор, оберегают.
Родной аул! В твоих обычьях есть
Такая же незыблемая святость —
Здесь ненавидят скаредность
и лесть,
А доброта и смелость здесь
не в тягость.

●

Дубы...
Дубы...
Дубы на каждом склоне
В подросте кленов, ясеней стоят.
В своих нарядах, пышных
и зеленых.
Они в округе признанно царят.
Дубы спокойны. Долгожданным
летом
Лопочет оживленная листва.
Об эти кроны разбивались ветры,
Под их шатрами пряталась трава...
Родной аул! Не так ли ты
в ненастье
Нас собираешь под свое крыло?
Не так ли свято охраняешь
счастье,
Чтоб правнукам и внукам повезло!

**Перевел с карачаевского
Леонид ХАНБЕКОВ.**

Черкесск.



Сергей АЛИХАНОВ

●

Верхневолжьем, среди перелесков,
полей
Я на родину матери ехал моей.
Я плотины и памятники миновал.
Я места по рассказам ее узнавал.
Вот и Кимры, где ярмарка прежде
была,
Торговала, гудела, пила, да сплыла.
По Горицам пройду. Здесь три
раза на дню
Узнаю я по дугам надбровным
родню.
Вон Мартынцево близко.
Бегут зеленя.
Вон, под вязами! Сердце обгонит
меня...

●

В молве ты уловить не можешь
весть.
Все тянешься, хватаешь воздух ты.
Все кажется тебе:
в пространстве есть
Какая-то возможность высоты.
И снова не хватает сил твоих...
Так осенью десятки раз на дню
Грачи взлетают, ветер сносит их,
И птицы вновь садятся на стерню.

Москва.

1 ЯНВАРЯ 1959 ГОДА — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ КУБЫ

НАСЛ АЛЬВАРО

**Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
специальный корреспондент
«Огонька»**

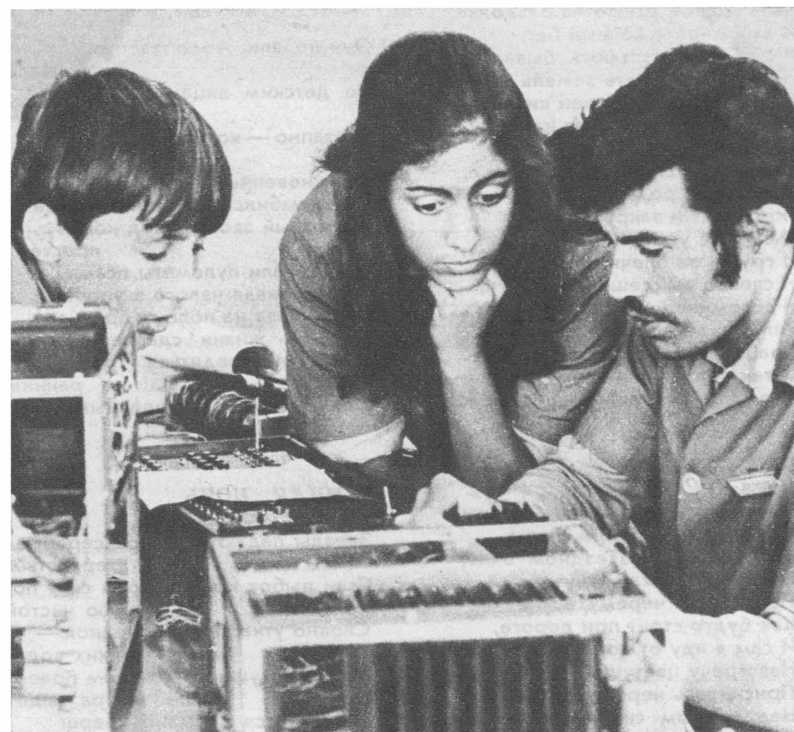
Машина пробирается сквозь лес монументальных, словно из тяжелого бетона, стволов пальм. Где-то высоко над дорогой мощные порывы океанского ветра раскачивают раскидистые пальмовые ветви. Кажется, что весь мир заполнил этот свежий, пахнущий рыбой и водорослями влажный соленый ветер, ветер, о котором так тосковал в чужом краю кубинский естествоиспытатель Альваро Рейносо. Из 58 лет своей жизни почти тридцать он прожил вне родины.

Мы едем в провинцию Матанзас, в институт сахарного тростника имени Альваро Рейносо. Ученый родился в 1829 году в маленьком городке Алькисар вблизи океана, недалеко отсюда. Трагически сложилась его жизнь. Это о работе Альваро скажет больше чем через столетие, на открытии института его имени, вождь кубинской революции Фидель Кастро: «Важнейшие теории и знания о сахарном тростнике собраны в удивительной книге, которая обошла весь мир, но до революции была, к сожалению, известна за границей больше, чем нам. И сегодня работа эта остается путеводителем для всех исследователей и практиков, занимающихся сахарным тростником. Сейчас она выпущена и на Кубе, о ней начинаем узнавать мы, соотечественники ученого».

Здание института буквально утопает в розовых кустах. У нас, в России, в это время зима в разгаре, идет снег, а здесь красные, белые, желтые цветы безмятежно растут на огромных газонах, больше похожих на привольные лужайки, благоухают в горшках и вазах в учебных аудиториях и исследовательских кабинетах, радуют глаз в черных, блестящих волосах студенток. Девушки наравне с юношами осваивают одну из самых важных для Кубы специальностей. Сейчас на пяти курсах института учатся 1260 человек.

— А сначала нас было всего 90,— говорит секретарь партбюро Флора Фернандес. Лицо ее сияет приветливой улыбкой.— Я ведь из первого выпуска института. Трудно пришлось нам тогда: ни программ, ни учебников. Но Фидель сказал: «Надо!» Он специально приехал на открытие (тогда был еще не институт, а только двухлетняя школа с сельскохозяйственным уклоном), произнес речь о необходимости для развития страны нашей будущей профессии и пообещал приехать опять через два года. И что бы вы думали — забыл?! Нет! — Флора темпераментно вскидывает вверх обе ру-

Идут занятия...



ЕДНИКИ РЕЙНОСО

ки.— В последний день выпускных экзаменов узнаем — Фидель едет!

На этот раз он не только выступил перед студентами, но и подарил каждому из нас набор учебников и только что выпущенную из печати книгу о сахарном тростнике Альваро Рейносо.

Мы ждали, что нас немедленно пошлют работать в сельскохозяйственные кооперативы,— продолжает Флора,— но Фидель посоветовал всем остаться учиться дальше — еще пять лет. «Стране нужны специалисты высшего класса, настоящие наследники Альваро,— сказал он.— А через пять лет я опять приеду, посмотрю, чему вы выучились».

— И приехал?

— Да, да! Остался доволен — наш первый выпуск заложил основу молодой сахарной промышленности страны.

К разговору присоединяются директор института и его заместитель. Фамилия обоих — Родригес, одна из самых распространенных на Кубе.

— Как у вас Иванов,— шутливо поясняет Рамон Родригес. Он поступал в институт в год, когда Флора его заканчивала. Уже работая, заочно продолжал учебу на биологическом факультете Гаванского университета. Сейчас читает курс машиноведения, защитил кандидатскую диссертацию.— Отец мой, неграмотный крестьянин, даже не мечтал, что сын окончит школу, не то что получит два высших образования и станет профессором,— задумчиво продолжает он.— И как помогла нам тогда ваша страна! В шестьдесят четвертом приехали в институт шесть советских профессоров: химик, почвовед, мелиоратор, агроном, физик, ботаник. Они читали лекции нам, студентам, а вечерами занимались с нашими преподавателями, которые сами усиленно учились. Переводчики (их было всего два) прямо сбивались с ног — кому идти на выручку. Кстати, они так увлеклись переводом, что сменили профессию — сами стали отличными специалистами по сахарному тростнику.

Марио Родригес тоже имеет два высших образования, как и Рамон Родригес. Он окончил педагогический институт и биологический факультет Гаванского университета. В аспирантуре занимался в Советском Союзе.

— Да, очень помогают нам советские специалисты,— говорит он.— Но мы теперь начинаем отдавать долги, сами помогаем другим развивающимся странам. У нас в институте обучаются 44 студента из Африки и стран Латинской Америки.

И еще с одним человеком по фамилии Родригес я познакомилась в этом институте — студентом третьего курса Карлосом Альберто Родригесом. Он родился уже после революции, в его жизни все было ясно: школа, занятия в биологическом кружке Дома пионеров, институт.

Спрашиваю, почему он пошел учиться именно сюда.

Он откидывает загорелой рукой светлые волосы и отвечает, озорно блеснув горячими карими глазами:

— Я ведь тоже из города Алькисар, земляк Альваро. Буду заниматься наукой, как он...

* * *

В архиве кубинской Академии наук я видела сохранившиеся странички из дневника Альваро Рейносо, его письма. К этим документам, рассказывающим о трагической судьбе ученого, невозможно даже прикасаться без боли, волнения, трепетного преклонения перед силой духа ученого...

Альваро мечтал стать философом, как его учитель Хосе Луис Касасека. Юноша из зажиточной семьи оканчивает в своем родном Алькисаре коллеж и поступает в Гаванский (тогда Королевский) университет. В 17 лет он уже бакалавр философии. Его посылают в Европу, в знаменитую Сорбонну.

Уже тогда Альваро начал увлекаться физикой и химией. Молодой кубинец за оригинальные исследования яда тропического растения — кураре получает премию Парижской Академии наук. Его избирают членом-корреспондентом Геттингенского университета. Испанский король жалует двадцативосьмилетнему ученому кафедру химии в Мадридском университете. В Европе Альваро сопровождает слава, но молодой кубинец мечтает отдать силы, талант родине. Изучение тропических культур — бананов, риса, кофе, сахарного тростника уже полностью завладело им. В научно обоснованном возделывании этих культур видит ученый-патриот ключ к экономическому и промышленному развитию Кубы, ключ к будущему процветанию своей, тогда нищей, угнетенной страны. Полный радостных надежд, он едет на родину.

Ему тридцать три года. Пора расцвета всех творческих сил. На Кубе он пишет свою знаменитую работу «Очерк по культивации сахарного тростника». Эта пятисотстраничная книга стала первым научным исследованием по сахарному тростнику. Ее переведут в Европе и Азии, но на родине ученого она будет издана лишь через столетие. После революции на Кубе Фидель Кастро сам включит ее в план издания...

Альваро Рейносо еще надеется найти работу на Кубе, он верит, что такими нужными для хозяйства страны исследованиями обязательно должны заинтересоваться ученые Гаванского университета, правительственные чиновники.

Последние деньги он отдает, чтобы размножить свою работу и разослать с письмами влиятельным сановникам. Ответа нет. Ученый недоумевает: ведь он первый в мире пишет об интенсивной научно обоснованной системе возделывания культуры, которая должна принести стране богатство! Он вновь шлет письма, убеждает, доказывает, наконец, просит. Но все двери по-прежнему закрыты перед ученым. Выход один — уехать назад в Европу.

Во Франции его еще помнят. Успех возвращается к Альваро Рейносо, но далекая родина попрежнему зовет его. В 1883 году, скопив немного средств, он опять едет домой, едет, наперед зная о всех трудностях, что ему предстоит пережить.

Собранные в Европе средства он тратит на устройство домашней лаборатории. Ночами работает, а днем обивает пороги чиновников. Соседи считают его чудаком. Теперь он часто впадает в отчаяние...

Последняя запись в дневнике: «Сегодня я опять ничего не ел, нечем заплатить за еду...»

А вот ветхий листок провинциальной газетки «Морские дела» от 13 августа 1887 года. Некролог: «Умер Альваро Рейносо... большой ученый-химик... Скорбим...» Эти строки нельзя читать без слез бессильного гнева. Среди подписавших некролог графы, бароны... Где были они, когда «большой ученый», живший с ними рядом, умирал с голоду? О чем думали, что отвечали ему, читая его отчаянные письма о помощи?

До последнего часа Альваро Рейносо работал над своими научными исследованиями. Он мечтал, он верил, что его труд рано или поздно принесет пользу родине...

* * *

Мечты Альваро Рейносо сбылись. Создание института сахарного тростника в провинции Матансас — первый миг в осуществлении обширной программы подготовки кадров и развитии научных исследований по возделыванию и переработке сахарного тростника. Ее составили сразу после революции Академия наук и министерство высшего образования Кубы. Сейчас в стране уже четыре таких института. Готовят специалистов по этой отрасли и университеты, в первую очередь Гаванский.

Основные же научные работы сосредоточены в прекрасно оборудованном Национальном центре научных исследований. Его огромное светлое, современной архитектуры здание высится на окраине Гаваны. В научных лабораториях исследователи ищут и находят пути к повышению урожая сахарного тростника, ускорению процессов кристаллизации и уменьшению потерь при производстве сахара, разрабатывают новые методы его очистки, наиболее полного использования отходов сахарной промышленности в животноводстве и технике. Научный уровень работ высок. И сегодня именно Куба держит одно из первых мест в научных исследованиях по сахарному тростнику.

Если бы все это мог увидеть Альваро Рейносо! — невольно думаю я, переходя из лаборатории в лабораторию. Ведь его маленькая комнатка была когда-то единственным научным центром по исследованию сахарного тростника на Кубе. Хозяйка, которой он задолжал, после смерти ученого с гневом перебила склянки — продать из нищего имущества так ничего и не удалось...

— Теперь начинают прививать на Кубе уважение к профессиям, связанным с сахарным тростником, с самых ранних лет,— сказали мне в Национальном центре научных исследований. И посоветовали непременно побывать в новом гаванском Дворце пионеров.

Эта замечательная страна «Пионерия» раскинулась в огромном тенистом парке имени Ленина. Есть здесь свои заводы и фабрики, свой транспорт, радиостанция, театр, исследовательские лаборатории. 40 тысяч ребят могут учиться, работать, отдыхать во Дворце пионеров. Здесь-то и начинается часто первое знакомство с будущей профессией. Каждый находит дело по душе: кто учится управлять поездом или самолетом (самыми настоящими!), кто шить платья и костюмы, кто конструировать станки и машины. Но гордостью этой страны по праву считается пионерский сахарный завод. Ребята самостоятельно из выращенного и убранного ими самими сахарного тростника выпускают настоящий первоклассный сахар. Двести пятьдесят килограммов за трехчасовой рабочий день! Пусть пока немного, его хватает лишь для пионерского лагеря имени Хосе Марти, куда ребята передают свою продукцию. Но они уже непосредственно ощущают пользу своего труда.

Занимаются с пионерами опытные специалисты-сельскохозяйственники, инженеры, ученые. Они деликатно, ненавязчиво раскрывают перед ребятами тайны их будущей профессии, увлеченно рассказывают о научных исследованиях.

— Вы знаете, кто такой был Альваро Рейносо? — спрашиваю я ребят.

— Знаменитый ученый! Агроном! Химик! Патриот!—кричат они наперебой. А один мальчонка, помладше, упорно утверждает, что Альваро первым посадил на Кубе сахарный тростник и первым сделал из него сахар. Что ж, по существу, это не такое уж преувеличение... И не случайно 4 ноября, дата рождения ученого, ежегодно отмечается здесь как национальный праздник — «День сахарного тростника».

Побывала я и в гаванской школе-двенадцатилетке, цель которой выявить и развить наклонности ребят к той или иной специальности, подготовить их в соответствующий вуз. Школа огромная — на 5 тысяч учеников с 8-го по 12-й класс. Среди многочисленных кружков, которые ведут, как правило, ученые, по радиотехнике, кибернетике, геологии, физике, истории, литературе, существует агробиологический кружок по выращиванию сахарного тростника и биохимический — по его переработке. И что интересно — кружки эти самые многочисленные.

— Чем объясняется такая популярность? — спрашиваю я.

— Тем, что мы живем на Кубе,— следует лаконичный ответ.

...Умирая в безвестности и нищете, Альваро Рейносо больше всего тосковал, что нет у него учеников на родине. Сегодня на Кубе все специалисты по сахарному тростнику с гордостью называют себя его учениками и наследниками.

Гавана — Москва.

Б. СМИРНОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Пятнадцать лет назад корреспонденты «Огонька» приехали в город Тольятти, чтобы рассказать о его спортивных заботах: тогда, в середине шестидесятых годов, здесь лишь вырисовывались контуры будущего промышленного центра, и тысячи строителей, съехавшихся на волжский берег со всей страны, решили сделать Тольятти еще и центром спорта. «Мы хотим, чтобы спорт давал городу и чемпионов, и рекордсменов, и просто здоровых, умеющих красиво работать и отдыхать людей»,— говорил в интервью Василий Федорович Просолов, бывший в те годы председателем горисполкома Тольятти.

И вот тот же город через пятнадцать лет... Владимир Петрович Титух, председатель городского спорткомитета, перечисляет все, что построено за эти годы, и так получается, что разговор идет у нас не о спорте, а обо всем изменившемся городском хозяйстве. Вот Дворец спорта—он построен там, где пятнадцать лет назад вообще ничего не было, а теперь появился огромный жилой район и, главное, неподалеку вырос автогигант ВАЗ, принесший Тольятти всемирную известность. А новый современный стадион «Торпедо»! А сам жилой район на двести восемьдесят тысяч жителей, ставший эталоном градостроения и эталоном отношения к спорту: ведь здесь почти в каждом дворе, в каждом микрорайоне запроектирована и построена своя, «домашняя» спортплощадка для всех желающих... Нет, сравнение с прошлым просто неправомерно: можно, конечно, без конца перечислять новые спортивные объекты, но только цифрами новостроек не объяснишь тех глубоких процессов, которые произошли — и продолжают происходить — в этом городе.



Тольятти — город молодости.

ЧТО ТАКОЕ ГОРОД

— Сколько у вас было записано яхт-клубов на Жигулевском море? Два? Нет, теперь их семь. Прибавьте сюда более трех десятков профилакториев и баз отдыха, пионерские лагеря, турбазы... А главное, зону вокруг водохранилища мы рассматриваем не только как место, где что-то можно построить, а как органичную часть города. Здесь отдыхают и набираются сил почти сто тысяч горожан! Значит, все проблемы Жигулевского моря мы уже обязаны решать по единой формуле: отдых плюс спорт равняется здоровье, хорошее настроение, трудоспособность...

Мы разговариваем с заместителем председателя исполкома горсовета Зинаидой Алексеевной Баландиной. Перед этим мы два дня провели в поездках по спортивным точкам Тольятти. И все многочисленные залы, классы, спортплощадки, виденные нами, вдруг представляются как бы частью сложного комплекса, имя которому — город спорта.

— Так вы считаете, Зинаида Алексеевна, что Тольятти уже стал городом спорта?

— Если судить по планам, которые принимались городским Советом, то многое из задуманного осуществилось. Но, понимаете, сказать, что Тольятти уже стал городом спорта,— значит, в чем-то себя уверить, успокоиться, думать только о подсчете призов и медалей. Такое настроение, к сожалению, кое-где у нас есть, и очень ко времени пришлось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта», в котором говорилось о необходимости направить усилия заводских, фабричных, коллективов профсоюзов, комсомольских, спортивных организаций на создание необходимых условий для занятия физкультурой и спортом. Задача, конечно, не новая, но решать ее нужно более действенными, продуманными средствами, как это указано в постановлении. Не так давно у нас прошел пленум горкома, там обсуждались новые пути развития физкультуры и спорта. Составлен целый комплекс планов на пятилетку. Например, было решено, что каждому предприятию города нужно иметь свою материальную базу для развития спорта и пользоваться ею должны не только свои, заводские, предположим, спортсмены, но и другие жители города. Больше внимания будем мы уделять самодеятельным спортивным клубам...

О тольяттинских общественных тренерах «Огонек» рассказывал и пятнадцать лет назад: о том, как народный судья организовал детский спортклуб, как инженеру удалось воспитать из дворовых мальчишек отличных боксеров, как преподаватель математики создал секцию яхтсменов. Мы, конечно, пытались найти тех, прежних героев очерка, но это оказалось сложной задачей — за полтора десятка лет слишком многое изменилось: тот вышел на пенсию, этот получил назначение в другой город, третий куда-то переехал... Но вот А. К. Никитин, преподаватель математики и черчения, один из первых яхтсменов Тольятти, о котором писал «Огонек». Александр Констан-

На льду Дворца спорта — юноши.





СПОРТА?





Сила и легкость воплотились в полете.

Идет тренировка.

тинович, кажется, внешне почти совсем не изменился — вот что значит дружба с солнцем и свежим ветром! Зато на пиджаке — новенький, как видно, недавно заработанный значок «Мастер спорта СССР». «Трудно дался?» — интересуемся у Никитина, и он с небрежностью бывалого «морского волка» объясняет, что в общем-то готов был к этому званию давно, но все как-то не удавалось: нужно было скорее ставить на ноги, выводить в мастера своих учеников... И кажутся далекими те, в общем, не такие уж давние времена, когда все яхты на Жигулевском море можно было пересчитать по пальцам; сейчас здесь более четырехсот спортивных парусных судов!

А вот еще встреча — хоть и не по адресу из старой записной книжки, но подсказанная все теми же прежними впечатлениями о Тольятти. «Помнится, когда-то бокс начинался в вашем городе с маленькой школьной секции»,— заметили мы как-то Владимиру Петровичу Титуху, и он сейчас же предложил: «Хотите, я познакомлю вас с теми, кто развивает у нас традицию «всеобщего» бокса? Тогда едем к Подрезову!» И мы поехали — не во Дворец спорта, где в прекрасном зале тренируются мастера, не в какой-нибудь другой зал-новостройку, а к двухэтажному, самому обычному зданию в «старой» по сегодняшним понятиям, центральной части города. За окнами — конторские столы, шкафы с бумагами какого-то учреждения. А у подвальной двери — табличка: «Городской клуб бокса».

Несколько лестничных ступеней вниз, изгибы толстых стен, маленький коридорчик — и уже слышны глухие, характерные удары боксерских перчаток. Большое сводчатое помещение. Ринг в ярко освещенном углу, зеркала — и повсюду, как плоды какого-то гигантского дерева, свисают тяжелые кожаные «груши». Десятка два подростков увлеченно молотят их кулаками, разминаются, ведут, разбившись на группы, спарринг-бои. Следующий зал — настоящее царство бокса: каждый уголок, каждый свободный метр пространства занят какими-то хитроумными снарядами для тренировок, и мы, в общем-то, знакомые со спортивным снаряжением, с удивлением убеждаемся, что большинство из этих снарядов видим впервые.

— Все это до последнего гвоздика ребята делают сами, сами придумывают, разрабатывают чертежи, мастерят,— объясняет старший тренер Евгений Николаевич Подрезов. Он ведет нас по залам, показывая свое необычное хозяйство, и с гордостью заявляет, что ни в одном тренировочном зале страны нет таких условий для занятий боксом, как здесь. Не зря, как рассказал Евгений Николаевич, все приезжающие в Тольятти боксерские команды стремятся провести тренировочные сборы именно здесь.

А уж о тольяттинских ребятах и говорить нечего: в других районах много боксерских секций, удобных залов, но большинство мальчишек предпочитают каждый день совершать поездки через весь город, лишь бы заниматься в «клубе Подрезова».

Традиций здесь много: например, принимать любого, кто приходит в клуб, и не «терять» ни одного из своих питомцев, или после тренировок пить чай с вареньем из общего самовара, или торжественно вручать новичкам старую, потрепанную, но зато «боевую» форму ветеранов клуба. Главная же традиция, обязательная для каждого, начиная с Подрезова,— отложить, если надо, перчатки в сторону и взять в руки лопату, лом, рубанок или напильник и самому сделать что-то необходимое для клуба.

С такими историями, казалось бы, все мы знакомы: где, в каком городе, поселке не найдется подобных энтузиастов? Но в Тольятти этих примеров так много, что можно уверенно рассуждать о рожденной здесь традиции развития спорта как бы изнутри, из интересов и устремлений самих жителей города. Дворцы, многосветные залы, современные стадионы выросли здесь, как говорится, не на голом месте. И, как следствие этого, Тольятти славится теперь не только как город автостроителей, химиков, энергетиков, но и как спортивный центр, воспитавший известных в стране и в мире лыжников, гимнастов, легкоатлетов, акробатов. Кстати, об акробатике — разговор особый.

Все началось с того, что в 1967 году в Тольятти приехал работать после окончания института зубной врач Виталий Александрович Гройсман, мастер спорта по акробатике и прыжкам на батуте. Кажется, тогда только он единственный и представлял эти виды спорта в городе... Но, как известно, и один в поле воин. Гройсману удалось уговорить нескольких ведущих акробатов страны приехать в Тольятти на тренировочный сбор, а уж устроить их показательные выступления на городском стадионе было, как говорится, делом техники. Тут же при двадцати тысячах зрителей прозвучал его призыв в микрофон: товарищи родители, приводите своих детей в нашу секцию тогда-то и туда-то... «Я думал, придут в лучшем случае человек пять-шесть,— рассказывает Виталий Александрович,— и вдруг увидел, что меня ждут... около тысячи детей и столько же родителей!» Так в городе появилось сразу семьсот акробатов... Конечно, мастерство пришло не сразу — прошли годы упорных тренировок, скитаний по «чужим» залам и поисков методики, прежде чем пришли первые настоящие победы. Но зато прозвучали они куда как внушительно. Тольятти стал подлинной столицей акробатики: 52 мастера спорта, 18 мастеров спорта международного класса, 4 заслуженных мастера спорта, многократные победы на чемпионатах СССР, чемпионатах Европы, 9 раз — на чемпионатах мира!

Мы были у акробатов ДЮСШ общества «Труд» в тот день, когда там проходило комсомольское собрание. Комсорг Ольга Старикова — обладательница всех самых высших титулов в акробатике — зачитала призыв, с которым воспитанники школы решили обратиться по радио и через газеты ко всем спортсменам города. Смысл призыва вот в чем: пусть те, кто добился в спорте больших высот, выйдут с утра во двор своего дома и организуют для своих соседей физзарядку! И сколько же найдется желающих провести утреннюю разминку под руководством спортивной знаменитости... Пожалуй, самым примечательным на этом комсомольском собрании было то, что никто из ребят не сидел молча, с безучастными лицами. Тамара Дубровина, заслуженный мастер спорта, стала говорить о самоконтроле — надо, мол, в первую очередь научить людей следить за своим самочувствием во время занятий; чемпионка мира Татьяна Саблина предлагала выходить во двор на зарядку не через день, а каждый день — чтобы сразу выработать у людей устойчивую привычку.

Так что же это такое — город спорта? Это город, в котором спорт идет в ногу с трудом, здоровьем, отдыхом. Таков Тольятти.



Мы — самбисты.



За самоваром после тренировки.

Заслуженный мастер спорта Ольга Старикова с новичками.









Яхтсмен-ветеран — мастер спорта А. К. Никитин.



С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!



АРАКСИЯ-ДЖАН

Для нас, почтальонов, 1 января — день особенный. Так уж повелось, что в этот день, войдя в подъезд дома, как обычно, не раскладываешь корреспонденцию по зеленым ящикам абонентов, а звонишь в дверь: «С Новым годом, с новым счастьем!» — и попадаешь в объятия друзей.

Они очень близкие для меня люди, мои абоненты. Сорок лет назад впервые я ступила на эту улицу «с толстой сумкой на ремне». Было это в годы Великой Отечественной войны, и, увы, не всегда приносила я людям радостные вести... Но общие горести, общие радости сблизили нас: ведь я и сама была солдаткой. И ждала писем с фронта. Но желанное письмо не пришло... И люди, чем могли, утешали меня, подбадривали, помогали. А потом были светлый день 9 Мая, и слезы, и счастье и, как в песне поется, «одна на всех» победа.

Район наш рабочий, и люди живут здесь дружной семьей. Дома новые, высотные, со светлыми просторными квартирами. Последний старый дом в моем микрорайоне снесли в прошлом году. И всем домом пригласили меня на новоселье, которое состоялось в канун минувшего, 1980 года. Вошла в пахнущий краской подъезд, сразу же чуть ли не из всех квартир вышли навстречу: «С Новым годом! С новым счастьем, Араксия Назаровна!» И радостно было мне, что не распалась эта большая семья — я немало постаралась, чтобы люди, жившие в старом доме, получили квартиры в одном и том же микрорайоне. «Спасибо тебе за это, Араксия-джан».

Нравился мне тот старый дом. Здание было построено еще в 30-е годы, и жили в нем рабочие и служащие одного из крупнейших в Армении химических предприятий. Жили, помогая друг другу. Дети ходили в один и тот же детский сад, школу. Слово старшего было здесь законом. И нередко я видела, как собиралась бригада у вожака, решая дома дела заводские. Однако пришло время, и дом решили снести. Жаль было расставаться со старыми соседями. Но кто-то решил было расселить всех по разным домам. Жильцы убеждали — надо это как следует обдумать, но не убедили. Я пошла в горком партии и рассказала, как согласно жили в доме, куда участковый заходил лишь на день рождения или свадьбу, где все семьи вместе выходили на праздничные демонстрации, а по орденам дедов и отцов дети изучали историю завода, страны. Убеждала и убедила. А потом были новоселья. Пришлось мне выслушать много сердечных слов. Наверное, в этом заключается большое счастье, когда люди считают тебя членом своей семьи.

Вот и сегодня, придя домой после работы, я открыла зеленый ящик в своем подъезде — почтальон ведь тоже получает письма — и была обрадована. С Новым годом меня поздравляли мои старые друзья, ребята с моих дворов, призванные в армию, парни и девушки, которых провожала на БАМ. Бывшие абоненты, ставшие мне родными. С Новым годом, с новым счастьем!

А. Н. АЛЕКСАНЯН,
почтальон отделения связи № 6 Еревана, Герой Социалистического Труда



С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

МИРНОЙ ВАМ ЖИЗНИ!

И. Х. БАГРАМЯН,
Маршал Советского Союза,
дважды Герой Советского Союза

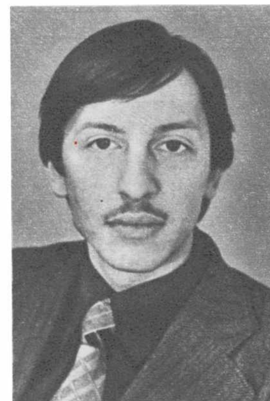
Новогодний праздник — особый праздник. Недаром, поздравляя друг друга, люди говорят: «С Новым годом, с новым счастьем!» А новое счастье — это, как правило, надежды на более радостную и спокойную жизнь. Я человек военный, отдал армии более полувека и, говоря о радостной и спокойной жизни, подразумеваю прежде всего мирную жизнь.

Четыре новогодних праздника миллионы людей встречали под разрывы бомб, снарядов и вой самолетов. Может быть, поэтому мы, как никто, ценим тишину, возможность всей семьей собраться у елки и пожелать друг другу не только крепкого здоровья, успехов в труде и личной жизни, но и самого главного — чистого неба, счастья жить спокойно, не опасаясь за завтрашний день своих близких.

К сожалению, обстановка в мире сейчас неспокойна. Немало людей в разных уголках планеты встретят Новый год под разрывы бомб, ракет и снарядов. Американская военщина изо всех сил раздувает военную истерию, оправдывая ее мифической угрозой со стороны Советского Союза. Между тем всем людям доброй воли хорошо известно, что Советский Союз никому не угрожает и ни на кого не собирается нападать. Наша военная доктрина носит оборонительный характер. Но наше миролюбие не следует принимать за слабость! Это должны крепко помнить все любители бряцать оружием.

Поздравляя всех своих соотечественников с Новым годом, я со всей ответственностью заявляю: Вооруженные Силы СССР в состоянии обеспечить советским людям самое большое счастье — счастье мирной жизни.

С НОВЫМ ГОДОМ



Юрий ШЕВЧЕНКО

РАССКАЗ

Рисунок М. ПЕТРОВОЙ

Буров не любил праздников. Возможно, оттого, что они ему как-то не удавались. Еще задолго до торжественного дня в школе, где он преподавал географию, учителя начинали строить всевозможные планы, образовывали компании, намечали место вечеринки, рассчитывали, чего потребуется купить и по скольку надо скидываться. Но в последний момент по какой-нибудь причине все расстраивалось, и каждый праздновал в своем кругу. Буров был приезжий, и своего круга у него не было, а напрашиваться к кому-нибудь из односельчан он считал неудобным: как-никак учитель. В праздники Буров оставался один. В такие дни он особенно сильно ощущал холодок сквозняка в своей холостяцкой квартире, чертыхал село, в котором за пять лет так по-настоящему и не прижился, одна радость, что машину помогли здесь купить, и все чаще подумывал о том, чтобы уехать.

В ноябре, когда Бурову исполнилось тридцать, он начал хлопотать о переводе в областной центр. Пока путешествовал с бумагами по инстанциям, у него появились в городе новые знакомые. Они-то и пригласили его встретить Новый год в их компании. А одна хорошенькая секретарша — тоже из числа приглашенных — как-то особенно мило ему улыбнулась и прибавила, что Новый год на новом месте — это к удаче. Буров поблагодарил за приглашение и сказал, что еще не знает, сможет ли приехать, но про себя решил сразу: приеду.

Накануне Нового года он устроил профилактический осмотр машины, чтобы та, чего доброго, не подвела в дороге, потом вдруг обнаружил на пиджаке разошедшийся шов, неумело и долго зашивал, искал перламутровые запонки, которых не носил, кажется, с того самого дня, как впервые приехал в село. Наконец он выехал из дому, рассчитав время таким образом, чтобы добраться до города к одиннадцати вечера, как и было условлено.

Дорога шла через несколько небольших сел, разбросанных на расстоянии трех-четырех километров друг от друга. Буров не спеша миновал Матвеевку, затем райцентр Степное. Когда он свернул на Нечаевку, свет фар его машины выхватил из темноты одинокую женскую фигурку, движущуюся вдоль обочины дороги. У Бурова было приподнятое настроение, и ему вдруг пришла в голову шальная мысль пригласить незнакомку с собой в гости. В другой раз он бы себе этого не позволил: народ в округе разговорчивый, им только повод дай. Теперь же Бурова это не заботило: скоро он переведется в город, а тут пусть говорят что угодно. Чуть обогнав фигурку на дороге, он притормозил, распахнул дверцу:

— Садитесь, подвезу.

Незнакомка не стала отказываться, только коротко взглянула на Бурова и села рядом с ним на переднее сиденье, пристроила на коленях свой «дипломат», подышала на озябшие руки.

— Холодно? — спросил Буров, чтобы как-то завязать разговор.

— Ну, разве это мороз! — ответила она.

Разговор не получался. Немного проехали молча. Буров косился на свою попутчицу, разглядывал. Лицо у нее совсем юное, а взгляд такой уверенный, будто урок выучила и ей ничто не страшно. «Не блеск,— критически отметил про себя Буров.— И все же лучше явиться в гости с ней, чем одному, а то еду, как бедный родственник, несолидно».

— Далеко собрались? — сделал он вторую попытку.

— В Нечаевку.

— В гости?

Она едва заметно улыбнулась:

— Вроде того.

— Как же мама одну отпустила в такой поздний час?

— Сама удивляюсь,— в тон ему ответила она и добавила: — Мне сюда.

Он подвез ее к самому дому и тут спросил:

— А может, поедем со мной? Я ведь тоже в гости. Только в центр, в город. Там веселее! Едем?

— Меня здесь ждут,— ответила она.— Спасибо.

И зашагала к крыльцу. Буров смотрел ей вслед, невольно любуясь, как легко и уверенно идет она по дорожке, поднимается по ступенькам... А когда за ней захлопнулась дверь, его вдруг охватила отчаянная решимость.

На стук открыл рослый детина с раскрасневшимся лицом. В другой раз Буров предпочел бы с таким не общаться, но сейчас ему уже не хотелось отступать.

— Мы приехали вдвоем,— сказал он неопределенно.

Его впустили, помогли раздеться, провели в комнату. Здесь толпились несколько женщин. Перед Буровым почтительно расступились. И он увидел диван, на котором, распластавшись, лежал мужчина лет сорока. Его мучила одышка. По отекшему лицу и замутненным глазам нетрудно было догадаться, что он так усердно провожал уходящий год, что теперь мог и не дотянуть до нового. Над ним склонилась девушка в белом примятом халатике. В ней Буров узнал свою попутчицу. Она коротко взглянула на него и, будто ничуть не удивившись, уверенно сказала:

— Ничего страшного, доктор. Я справлюсь сама.

Буров замялся, кашлянул. Ему подали стул, усадили.

— Вы уж нас извините, доктор,— обратилась к нему хозяйка,— что мы вас в праздник потревожили.

— Ничего, ничего,— ответил Буров.— Работа такая...

— Что ж вы сразу не сказали, что вы врач? — спросил он, когда они вышли на улицу.

— Фельдшер,— поправила она.

— Заставили дежурить в новогоднюю ночь?

— А что тут особенного?

— Ничего,— согласился Буров, хотя не представлял, как это можно работать в праздник.— Неужели у вас в больнице нет машины?

— Есть.

— Тогда почему ж вы пешком за столько километров?

— Шофер сказал, там поломка какая-то.

— Лжет он все, ваш шофер,— хмуро сказал Буров.— Просто ему под Новый год из дому выходить не хотелось.

— Зачем вы так? Вы ведь его не знаете.

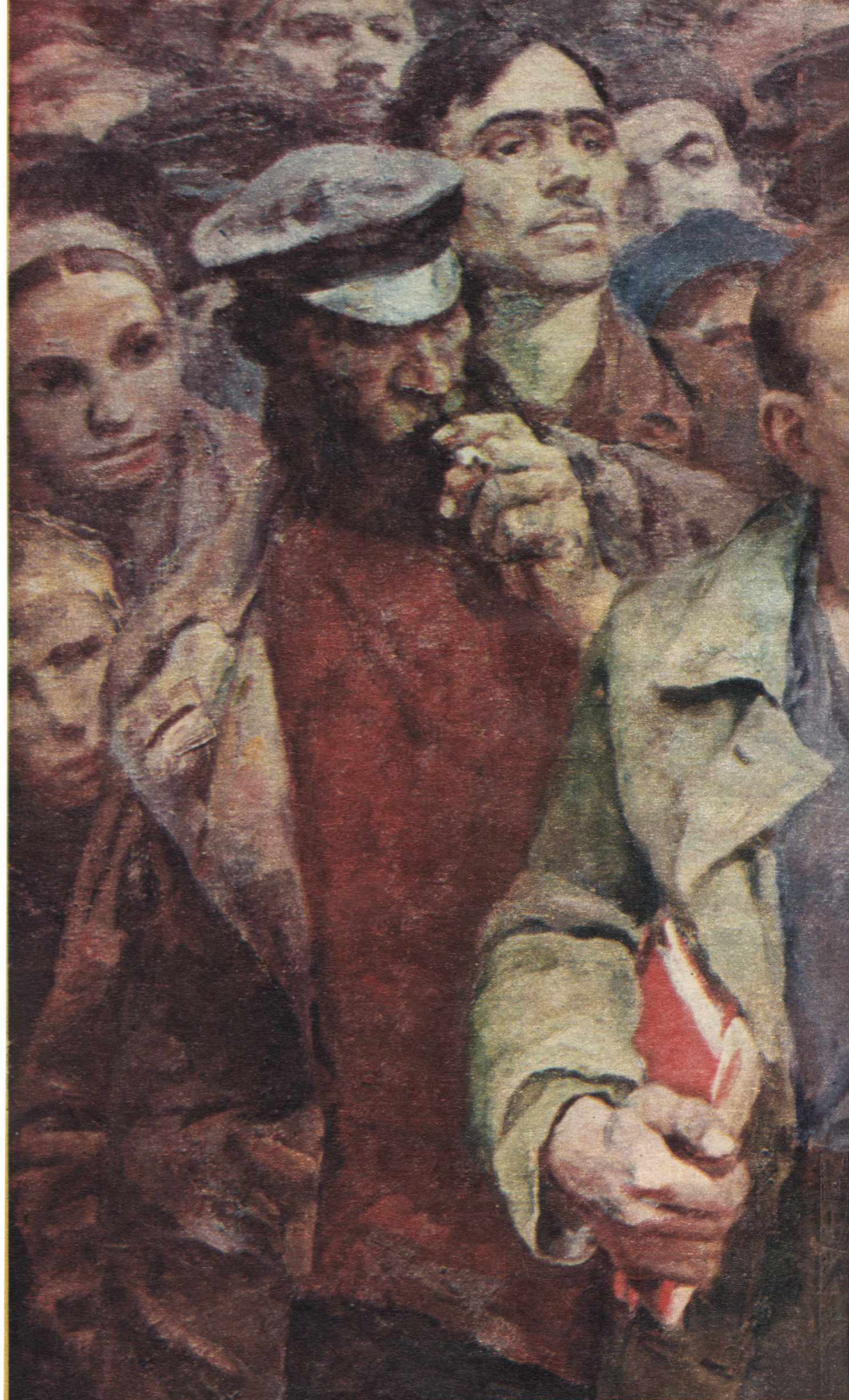
«Наивная»,— подумал Буров с какой-то жалостью и спросил:

— Куда ж вы теперь — в больницу?

— Нет, у меня еще один вызов. Тут рядом,

С НОВЫМ
ГОДОМ,
ДОРОГИЕ
ТОВАРИЩИ!





60 ЛЕТ СОЮЗУ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

1982

1 ЯНВАРЯ — Новогодний праздник, 8 МАРТА — Международный женский день, 1—2 МАЯ — День международной солидарности трудящихся, 9 МАЯ — праздник Победы, 7 ОКТЯБРЯ — День Конституции СССР, 7—8 НОЯБРЯ — 65-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

Дни недели	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ
Понедельник	4 11 18 25	1 8 15 22	1 8 15 22 29
Вторник	5 12 19 26	2 9 16 23	2 9 16 23 30
Среда	6 13 20 27	3 10 17 24	3 10 17 24 31
Четверг	7 14 21 28	4 11 18 25	4 11 18 25
Пятница	1 8 15 22 29	5 12 19 26	5 12 19 26
Суббота	2 9 16 23 30	6 13 20 27	6 13 20 27
Воскресенье	3 10 17 24 31	7 14 21 28	7 14 21 28

Дни недели	ИЮЛЬ	АВГУСТ	СЕНТЯБРЬ
Понедельник	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Вторник	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Среда	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Четверг	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Пятница	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24
Суббота	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25
Воскресенье	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26

АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮНЬ
5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28
6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29
7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30
1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24
2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25
3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26
4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27

ОКТЯБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27
5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28
6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29
7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30
1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25
3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26



на соседнюю улицу,— ответила она и напомнила: — Вы в гости опоздаете.

Когда Буров снова выехал на шоссе, стрелки часов на приборном щитке показывали уже начало двенадцатого. Он расстроился, что понапрасну потерял столько времени. «И дернул же меня черт посадить эту фельдшерицу!— ругал он себя.— Теперь придется гнать вовсю, только машину портить, дорога-то вся в колдобинах». Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, он стал думать о доме, в который ехал, стараясь представить себе незнакомую городскую квартиру. Воображение рисовало ему целую анфиладу комнат, обставленных в стиле времен его детства, электрический камин, излучающий мягкое тепло, искрящуюся хрусталем люстру над продолговатым столом, покрытым белой накрахмаленной скатертью... Чего только не нарисует воображение человека, изголодавшегося по уюту!

Где-то впереди уже замерцали звездочки огней большого города. Но странное дело: они приближались, а у Бурова было такое ощущение, как будто он от чего-то отдаляется. Откуда-то возникла какая-то смутная тревога, подобная той, какая появляется, когда обнаруживаешь, что что-то потерял или забыл взять с собой. Буров ощупал карманы: сигареты, документы, ключи от дома — все было при нем, запонки — тоже на месте. Однако неприятное волнение все же не исчезало.

Он остановил машину, вышел, чтобы немного размяться. Колючий морозный ветер обжег лицо, руки, перехватил дыхание. «Какой холод!— подумал Буров, забираясь обратно в кабину.— А эта фельдшерица идет сейчас по шоссе к себе в больничку. Не успеет согреться, а ее опять вызовут... И опять пойдет — пешком, по такому морозу». Думая о ней, он почему-то представил себя идущим по обледенелой дороге. Потом вспомнил о больничном шофере, который, наверное, сидит сейчас в веселой компании, убаюканный хмелем...

Еще не зная, зачем он это делает, Буров развернулся и поехал в обратном направлении. «Глупо, как все глупо»,— думал он, поглядывая на часы и прибавляя скорость.

Проскочив Нечаевку, он наконец увидел на дороге знакомую фигурку.

Она не сразу поняла, в чем дело, спросила испуганно:

— Вы? Вы же ехали в гости?

В ответ он попытался что-то сострить, шутка не получилась. Девушка смотрела на него пристально и насмешливо.

— Зря вы вернулись. Праздник себе испортили.

И пошла. Буров растерялся. Потом нагнал ее, поехал рядом.

— Не зря,— сказал он и распахнул дверцу.— Садитесь.

— Спасибо,— ответила она, упрямо продолжая идти.— Теперь я не тороплюсь.

— Подождите, у меня шампанское с собой. Праздник все-таки.

Она обернулась — и опять насмешливо:

— Мне нельзя — я на дежурстве, а вам тем более — вы за рулем!

«Тоже мне инспектор»,— разозлился Буров и отстал. Вынул шампанское, начал раскручивать пробку, включил приемник. Сквозь помехи он услышал слова новогоднего поздравления, потом донесся бой курантов. Буров снова нагнал девушку.

— Эй, вы слышите?— Он прибавил громкость в приемнике.— С Новым годом, фельдшер!

— С Новым годом, Сергей Васильевич,— ответила она.

— Как? Вы меня знаете?— смутился от неожиданности Буров. У него вдруг заглох мотор. Он вышел из машины, приблизился к девушке, вглядываясь, припоминая.— Учились у меня? Четыре года назад, девятый «Б», у окна сидели?

— Нет,— засмеялась она,— то была другая. Я в школе диспансеризацию проводила.

— Ах, медосмотр! Так это когда было! Неужели так каждого по имени помните? А я вот, стыдно сказать, через год-два забываю своих гавриков. Лица еще помню, а имена, увы, только любимчиков.

— Я тоже,— призналась она,— всех не помню...— А глаза ее щурились все так же насмешливо.

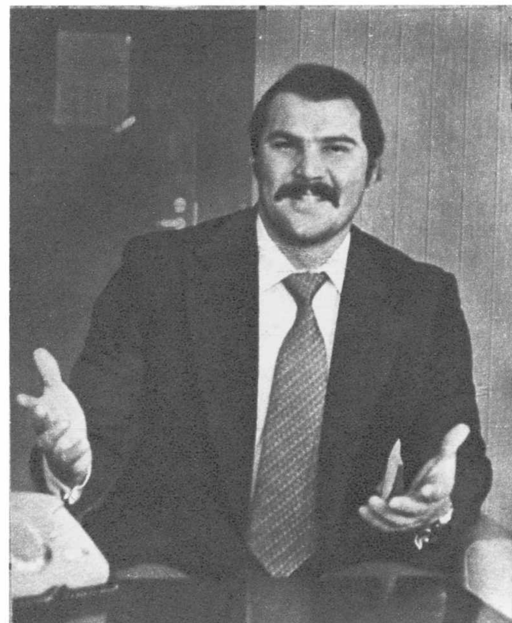
«Неужели...— с волнением подумал Буров.— Нет, она смеется надо мной! Она вовсе не то хотела сказать».

— Пойдемте,— сказала она и направилась к машине.— Еще простудитесь, а мне надо снижать процент заболеваемости в районе.

— Жаль, что дорога короткая,— сказал он, заводя мотор.

— А вы не отчаивайтесь,— улыбнулась она,— до конца дежурства еще далеко.





С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

ПОБЕДУ НА ВЕСАХ НЕ ВЗВЕСИШЬ

В олимпийском, 1980 году имя штангиста второго тяжелого веса киевлянина Анатолия Писаренко мало кому было известно. Из-за могучих плеч таких атлетов, как Алексеев, Рахманов, Марчук, «выглянуть» не так-то просто, а потом, как признается сам Анатолий, было ему в то время не до штанги: заканчивал школу МВД, поступал в университет, сын родился. И вот 1 сентября 1981 года на соревнованиях в Подольске Анатолий Писаренко побил сразу два мировых рекорда: в рывке он поднял 201,5 килограмма, в сумме двоеборья — 447,5 килограмма. А вскоре во Франции стал победителем мирового чемпионата.

— Анатолий, победа во Франции, наверное, была самым большим счастьем, которое вы испытали в прошлом году?

Ответ оказался неожиданным.

— К этому событию я был готов и телом и духом,— сказал Анатолий Писаренко,— и потому воспринял его довольно спокойно. Куда острее и радостнее вспоминаю другое. Мой близкий друг Владимир Ильин, сам недавно штангист, чемпион страны, а ныне хирург, помог мне найти изюминку в технике рывка и разработал для меня специальную методику упражнений. Вот почему все у меня получилось хорошо. Я почувствовал себя счастливым, поняв, какой у меня верный друг. Да, победу на весах не взвесишь. И главное, что меня обрадовало, был не рост рекордных килограммов, а то, что у меня такой друг.

— Как вы себя чувствуете в роли самого сильного человека на земле?

— Пожалуй, никак. По натуре я человек спокойный. И когда, выступая на чемпионате Украины, побил юниоровский мировой рекорд в толчке немецкого штангиста Бонка, то меня поразил не мой результат, а лица друзей. Сколько радости, тепла было в их глазах. И я понял, что буду всегда в долгу перед ними, что, радуя людей, сам испытываешь огромную радость.

— Что вы пожелаете вашим друзьям
вом году?

— Я желаю им много новых побед и друзей.

Счастливого пути!



СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

НОВОБРАНЦЫ ЖЕЛЕЗНОЙ



Прощальный поцелуй.

С песней легче дальний путь.



Георгий РОЗОВ

Фото автора

Весной и осенью областной сборный пункт попадает в «кольцевую осаду». Родители, бабушки, дедушки, братья, сестры, невесты, жены новобранцев ищут возможность в последний раз перед долгой разлукой увидеть новоиспеченного солдата. Сюда, на сборный пункт, допризывники приезжают из всех районов Ульяновской области. Ребят прежде всего стригут по военной моде — наголо. Потом они проходят медкомиссию, и только после этого их распределяют по видам и родам войск и военным округам. На это уходят сутки-двое. Все это время провожающие несут бессменный караул. В холодные дни они проявляют чудеса выносливости: мокнут под дождем, питаются бутербродами, сон почитают непозволи-

Проводы в семье Андрея Стародубова.

На марше воины Железной...

Присяга.





Письмо домой...



Полковой зимний сад.

тельной роскошью. А новобранцы это время проводят в теплом здании, обедают в просторной столовой и вообще волнуются гораздо меньше, чем их родственники.

Одно волнует допризывников по-настоящему: в каких войсках и в каком округе посчастливится служить. Это становится известным лишь по прибытии к месту службы. Но Андрею Стародубову повезло. Еще за день до медкомиссии он знал, что будет служить в мотострелковой Самаро-Ульяновской, Бердичевской, Железной ордена Октябрьской Революции, трижды Краснознаменной, орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизии! Это не могло не взволновать: ведь в Железной дивизии когда-то служил его дед — Иван Сергеевич Стародубов. Он даже хорошо знал первого начдива — легендарного полководца гражданской войны Гая.

К тому же город Ульяновск много лет шефствует над Железной дивизией и отправляет туда служить лучших своих парней. Многие тысячи ульяновцев прошли за эти годы школу армейской науки в дивизии, которая освобождала город от белогвардейцев. Создатель дивизии Г. Д. Гай, выступая на торжественном заседании в 1928 году, зачитал не лишенную юмора анкету:

— Имя — Двадцать четвертая. Отчество — Симбирская. Фамилия — Железная. Специальность — стрелковая. Год рождения — 1918-й. Кем рождена — Октябрьской революцией. Место рождения — на реке Волге, под Симбирском. Происхождение — из рабочих и крестьян Симбирской и Самарской губерний. Образование — окончила университет гражданской войны. Подданство — штаб мировой революции — III Коммунистический интернационал. Место прописки — Союз Советских Социалистических Республик. Какие имеет награды — десять почетных Красных знамен ВЦИК, до двадцати знамен от Симбирского и Самарского губисполкомов, более тысячи орденов Красного Знамени от РВСР. За что — за участие в освобождении Поволжья, Симбирской, Самарской, Оренбургской губерний и освобождение более ста городов от врагов Советской власти. Чем занимается в настоящее время — стоит на страже границ СССР. Кто может подтвердить правильность вышеизложенных сведений — пролетариат Симбирска, Самары, Оренбурга и царские генералы Колчак, Дутов и Деникин.

Эту анкету сегодня можно дополнить перечислением славных подвигов дивизии в боях с белофиннами и в Великой Отечественной. Служить в таком соединении — большая честь для каждого ульяновца!

...Эшелон уходил поздней ночью. Новобранцам Железной дали пятнадцать минут для прощания с родственниками. Были материнские слезы, были и суровые отцовские напутствия. Но вот раздалась команда: «По вагонам!» В тамбуре последнего трубач играл марш «Прощание славянки».

...Через месяц я навестил новобранцев. Оставалось несколько дней до принятия присяги. А пока ребята проходили курс молодого бойца: зубрили уставы, занимались строевой подготовкой, учились собирать и разбирать автомат, заправлять постель, мыть полы и ухаживать за растениями в зимнем саду. Я не оговорился: в просторной столовой полка один из залов под стеклянной крышей превращен в зимний сад. Много времени проводят они и на спортплощадке. Словом, дни заполнены до отказа. Часа, который в армии называют личным временем, едва хватает на то, чтобы постирать и пришить чистый подворотничок, погладить гимнастерку, написать письмо домой.

— О чем пишешь?— спросил я двухметрового гиганта, любимца ульяновцев Пашу Каменского.

— О ребятах пишу, о службе, о том, что шинель мне на заказ шили — по моему росту на складе не оказалось, о том, что полк у нас особенный: в списке почетных бойцов Владимир Ильич Ленин.

Молодые солдаты Железной дивизии помнят о славных делах своих предшественников, видят в них пример для подражания. Это о них вспоминают они, произнося торжественные слова присяги:

— Я всегда готов по приказу Советского правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик...

ВСЕМ ХОРОШИМ ЛЮДЯМ – СПАСИБО!

С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

Нина АНАНИАШВИЛИ



Необыкновенно счастливым был для меня 1981 год! Принес столько важных событий, что стал как бы переломным в моей судьбе. Вот смотрите. Я окончила Московское хореографическое училище. Участвовала успешно в IV международном конкурсе артистов балета в Москве. И, наконец, самое главное: меня приняли в труппу Большого театра. Началась работа, серьезная и дающая высокое счастье любимого труда.

Да и дни конкурса еще не изгладились из памяти. Конечно, мы тогда волновались, и я и мой партнер Андрис Лиепа: ведь мы представляли Московское хореографическое училище, его школу. И хоть получила я высокую награду — специальный приз Министерства культуры,— главное было не в этом. Главное— отдать людям сполна то прекрасное, чему тебя научили. Я старалась забыть, что выступаю на конкурсе: танцевала, как на обычном концерте, и это помогло; было легко и радостно... Тем более что маленький опыт участия в международном конкурсе у меня уже был, когда я еще училась в седьмом классе. Тогда на международном конкурсе в Варне я получила золотую медаль...

Теперь для меня закончилась часть жизни — школьная; началась другая, взрослая жизнь. Я очень счастлива, очень благодарна людям — всем хорошим людям земли, строящим жизнь, мир, творящим свой добрый, благородный труд... От всего сердца говорю: спасибо вам, люди! Большого счастья вам и в нынешнем новом году и во всех последующих!

С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!



ОКРЫЛЕННОСТЬ ДУШИ

Счастье... Невольно задумываешься: что стоит за этим словом? По-моему, по-хлопкоробски, это особая окрыленность души, когда самое трудное дело по плечу, когда самые напряженные производственные планы становятся реальностью. И, конечно же, когда в семье — лад и согласие.

Я потомственная дехканка, люблю землю, люблю хлопок. В минувшем году мы вырастили его по 63 центнера на каждом из 78 гектаров бригадного поля. Это наш скромный вклад в более чем 6 миллионов тонн узбекистанского «белого золота».

В прошлом году я пережила счастливейшие часы и дни благодаря именно хлопку. Будучи делегатом XXVI съезда нашей родной партии, во Дворце съездов я узнала о присвоении мне звания Героя Социалистического Труда. Вернувшись домой, вместе с бригадой решила: будем бороться за более высокие урожаи, в 1982 году дадим Родине не менее 65 центнеров с гектара.

Мое новое счастье и в успехе моих детей. Дочь, Мавлюда, секретарь райкома комсомола,— член нашей бригады, водитель уборочной машины. В минувшем году она собрала 180 тонн хлопка, а в нынешнем решила довести сбор до 200 тонн. Старший сын Икромали — аспирант Ташкентского института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства. Его судьба тоже накрепко связана с хлопком, который у нас недаром называют «белым цветком счастья».

Адалат РУЗМАТОВА, бригадир колхоза имени Ленина, Бекабадского района, Ташкентской области, Герой Социалистического Труда, делегат XXVI съезда КПСС

Фото В. Сваричевского

ИЗ АРХИВА СЕРГЕЯ ГОРОДЕЦКОГО



С. Есенин и С. Городецкий. 1915 год.



А. К. Лядов. Фотография, подаренная Городецкому. На обороте фотографии шутливая надпись композитора: «Легенда «Белый кавалер» (подражание «Белой даме»), или некоторые черты из жизни американского президента Рузвельта».

«Я вырос и живу в музыке»,— говорил Сергей Митрофанович Городецкий. На его стихи писали музыку выдающиеся композиторы. Уже первая книга поэта — «Ярь», так высоко оцененная современниками, вызвала не только восторженные критические отклики, но и вдохновила И. Стравинского, А. Гречанинова, С. Василенко и других композиторов сочинить музыку на стихи молодого поэта.

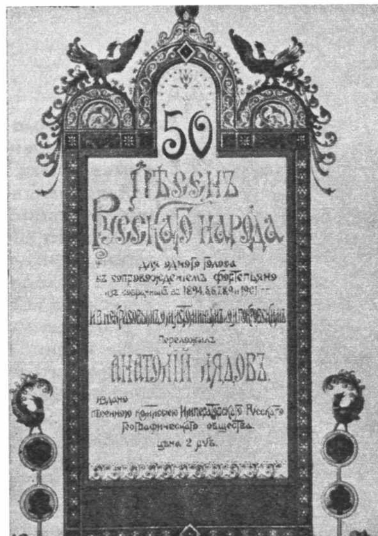
В творчестве Городецкого особое место занимает оперная драматургия. В 1924 году Луначарский привлек Сергея Митрофановича к работе в Большом театре. Городецкий сделал для Большого театра новые переводы либретто «Нюрнбергских мейстерзингеров», «Фиделио», «Лоэнгрина» и других произведений. Поэт стал одним из зачинателей создания оперных либретто на советские темы. Он написал тексты к операм «Прорыв», «Дума про Опанаса», «Александр Невский», «Амран». Обращался поэт и к русской классике — ему принадлежит тончайшая, еще полностью не оцененная переработка в либретто пушкинского «Графа Нулина». Искусство оперной драматургии — особое, очень сложное искусство. Немало сил отдал Городецкий отстаиванию цехового своеобразия оперной драматургии, ее истинной ценности и значения. О создании советской оперы писал он в остропроблемной статье «Пути и перекрестки оперной драматургии»: «Много мешала нашей работе мелкая мысленка о том, что наша-де советская действительность не романтична, что самый вид и поступь наших современников «не оперны». Подобной мелкой, но живучей мысленке о якобы лишь «возвышенности» оперы возражал еще П. И. Чайковский, начиная работу над «Евгением Онегиным»: «Я хочу показать в опере обыденную жизнь, в которой будет правда человеческих переживаний, а не ходули древних царей и цариц и прочих избитых персонажей»... В истории человечества не было эпохи более романтичной, чем та, которая началась залпом «Авроры», поэтому мы имеем богатейший материал для создания советской оперы».

Отстаивая самоценность творчества оперных драматургов, Городецкий обращается к авторитету Д. Д. Шостаковича, утверждавшего, что «способность написать хорошее либретто, я сказал бы — особая профессия. И нет никаких оснований считать ее профессией второго сорта». «Мы, поэты-драматурги, — продолжает Городецкий, — очень благодарны композитору Д. Шостаковичу за обнародование этой мысли, с которой солидарны были бы и Пушкин, задумавший написать либретто «Руслана»... и Антон Чехов, желавший написать либретто «Бэлы» для П. И. Чайковского, и Максим Горький, работавший над задачей воплощения образа Василия Буслаева, и, наконец, Маяковский, автор либретто одной из первых советских опер — «25-е».

Работа самого С. Городецкого над оперными либретто дала интереснейшие результаты. Венец этой работы — ставший классическим новый текст к опере М. И. Глинки «Иван Сусанин». Поэт точно воспроизвел в своей работе план либретто, намеченный самим Глинкой, и сумел в новом тексте раскрыть всю глубину народно-патриотического звучания бессмертной оперы.



Д. Д. Шостакович. Фотография с автографом: «Дорогому Сергею Митрофановичу Городецкому в знак лучших чувств.
Д. Шостакович.
19/I—1940. Ленинград».



Сборник «50 песен русского народа».



Композитор М. Ф. Гнесин. Рисунок С. М. Городецкого.

ПОЭТ И МУ

Городецкий вспоминал: «Это был один из счастливейших моментов моей жизни, когда на лестнице гостиницы «Москва», десять с небольшим лет тому назад, я встретился с С. А. Самосудом, и он сказал мне: «Вот вас-то мне и нужно. Заходите завтра утром. Большое дело». И, взбегая вверх по лестнице, еще раз обернулся и крикнул: «Очень большое!»

До этой встречи я знал его как очень темпераментного дирижера, который может пожертвовать отделкой частностей движения оркестровых групп ради эффектного всплеска ансамбля. Выросший в дружбе с А. К. Лядовым, в знакомстве с А. К. Глазуновым и Н. А. Римским-Корсаковым и в работе с В. И. Суком, точнейше исполнявшими малейшее предначертание своей или чужой партитуры, я не был поклонником стиля С. А. Самосуда, идущим, конечно, от Рубинштейна.

На другой день после встречи с Самосудом я узнал, что «большое дело», на которое он меня звал, — это есть создание нового текста для бессмертной оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». Я поблагодарил за честь и рванулся в работу... Премьера «Ивана Сусанина» в Большом театре была наивысшим праздником моей жизни».

Удивительно, как много успел за свою жизнь русский поэт Сергей Митрофанович Городецкий. Художник поистине великолепного таланта, автор замечательных книг стихов, создатель очень интересных живописных работ, прозаик, критик, драматург, Городецкий внес большой вклад и в музыкальную культуру нашей страны. И музыканты платили ему искренним уважением и дружбой. Свидетельство тому — некоторые впервые публикуемые ниже материалы из архива С. М. Городецкого.

I

ДРУЖБА С А. К. ЛЯДОВЫМ

Из воспоминаний С. М. Городецкого:

«В ту весну мы часто виделись с Ан. К. Стояли дивные белые ночи. Он их любил, как яд, как наркоз, как опьяняющий дурман. Позже, помню, сказал он мне однажды по телефону: «Вы знаете, природа злая; это-то и восхитительно». Злая — значит живая, личная, имеющая власть над тобой и к этой власти волю. Вот эту-то волю природы над собой особенно чувствовал Ан. К. в белых ночах, в ту весну.

Не раз мы ездили после ужина на острова, небольшой компанией. Как сейчас вижу Ан. К. выходящим из автомобиля и стоящим, в драповом пальто, с поднятым низким воротником, на Стрелке, перед янтарно-золотым от восходящего солнца морем. Глубочайшей меланхолией сменялось в нем после созерцания природы искристое остроумие. И понятно, почему. Ирония — был его мост из глубин к человеческому обществу. И подолгу мог он стоять на этом мосту, уйдя из себя. Но природа возвращала его домой, в свои глубины, и никаких мостов тогда ему не нужно было, когда он уходил в себя.

Однажды с островов мы возвратились ко мне, уже утром. Ан. К. попросил русскую рубаху. Я принес белую рубаху и не без труда надел на него. Из барина-аристократа Ан. К. мигом превратился в богатыря-мужика. Я ему спек яичницу с зеленым луком, как он любил. Надевая рубаху, Ан. К. мельком, не без сумрачности, заметил, что когда-то носил русские рубашки. Легкий сумрак на челе — вот и все, чем он помянул «толстовский» период своей жизни. А ведь это была целая эпоха!

В эти весенние вечера и ночи он подолгу играл у нас свое любимое. Первое, что он захотел сыграть, были детские и народные песни; иные играл он подряд по нескольку раз...

Играл Ан. К. и из других задуманных, может быть, готовых, но не записанных вещей, например, «Из Метерлинка». Из прежних своих вещей играл «Волшебное озеро», с необычайной изобретательностью заставляя воображение слышать оркестр. Многократно играл «Табакерку» — и никому ее не исполнить так, как он сам.

Сколько раз потом я жалел, что не было у меня фонографа для записи его игры! Как мучительно-досадно, что наши музыкальные музеи не догадываются делать таких записей! Безвозвратно, навсегда погибло счастье слышать игру Ан. К. И только некоторые внешние признаки этой игры можно восстановить в словах.

Подходил он к инструменту медленно и внутренне-торжественно, садился тяжело и просто, скромно и незаметно клал красивые руки на клавиатуру. Это не было прикосновение виртуоза-техника, это не был полуневрастенический, полуэкстатический налет Скрябина, это было эпически спокойное, мощное приближение властелина к своему царству».

На экземпляре интереснейшего сборника «50 песен русского народа», переложенных Лядовым по материалам, собранным в песенных экспедициях, А. К. Лядов написал: *«С особой нежностью делаю эту надпись Сергею Митрофановичу Городецкому, поэзия которого так близка моей душе. 8-го апр. 1911 г.».*

А на нотах прекрасного «Волшебного озера» композитор написал, обращаясь к жене поэта: *«Я предчувствовал Вас, когда сочинял «Волшебное озеро». Нимфе Алексеевне Городецкой от Ан. Лядова».*

ПИСЬМО ЛЯДОВА — А. А. и С. М. ГОРОДЕЦКИМ

«Четверг, 16 июня.

Милые, славные, дорогие Городецкие!

«Знаете ли Вы зубную боль? О, Вы не знаете зубной боли»! А вот Достоевский так знал. Вспомните его «Записки из подполья», и Вы поймете, что я пережил за это время. Лето началось ужасно: холодом (днем было 3 гр. тепла!!!), ветром, дождем и зубной болью. Теперь наступила жара — зубы прошли. Начинаю уже мечтать о Вашем, Сергей Митрофанович, «летнем» (без листка) костюме. Но у нас кругом женщины — вот беда! Прочел помойно-кинематографическую «Лулу». Обожаю воспитательно-научно-образовательную литературу! Что за прелесть Зола, волосатый Ибсен, последний Толстой и т. н. полезные писатели. Хорошо так же географическое лото для детей: развивает. И как все это у Видекинда скоро. Как у Хлестакова — «в один вечер». А конец, с Джэком — настоящий кинематограф. Но главное — непроходимая тоска и рутина. Она бьет в нос, как первый глоток сельтерской воды. Анна Алексеевна, неужели, неужели, «Лулу» Вам нравится? Вся эта трагедия, с «вампирной женщиной» — самый дурной тон. Публика должна быть у «Лулу»: писаря, сутенеры, «сознательные» рабочие, «огарки» и пр. средних классов гимназисты, которые через слово говорят — «свобода» и «старый режим». В этой трагедии они найдут все прелести своей жизни. Вот какой я далекий Вам. Правда? Другое дело «Светлая быль». Эта повесть могла бы быть гениальной, если бы не была так растянута и не имела бы — по-моему — несколько пятен. В ней есть места, которыми я восхищаюсь, как «Ярью». Подробно об этом поговорим в Петерб-ге.

Сегодня, почему-то, видел во сне Гречанинова. У Вас он? Живо и здорово это сокровище? Не вернулась любовь у княжны Мери к Грушницкому? Что «Вера»? Седеет, пухнет и пропитывает все свои поры музыкой Гречанинова? Счастливица! Нашла-таки свой идеал! Ходила, ходила по булыжнику и вдруг — взяла себе один на память.

Приехали Ваши карточки? А Сергей Митрофанович снимал Вас? Прислать, если есть. Я начал заниматься «Ангелом». Скоро приступлю к инструментовке. Что работает Сергей Митрофанович? А «пирамидальный» голос что?

Целую: руку — Анны Алексеевны, уста — Сергею Митрофановичу, голову — Найке.

Будьте все здоровы.

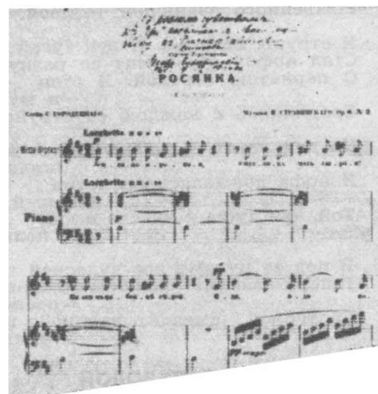
Ваш Ан. Лядов».

II.

ДВА АВТОГРАФА ИГОРЯ СТРАВИНСКОГО

Звоны-стоны, перезвоны,
Звоны-вздохи, звоны-сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стены выбелены бело:
Мать игуменья велела!
У ворот монастыря
Плачет дочка звонаря...

Это знаменитая «Весна» (Монастырская) Сергея Городецкого. В 1909 году Игорь Стравинский написал романсы на слова Городецкого «Весна» и «Росянка». В архиве поэта сохранились два автографа композитора на нотах, подаренных им автору стихов.



1) *«С теплым чувством к «Яри» посвящаю я свою музыку к «Росянке» автору стихов.*

Игорь Стравинский

Спб. $\frac{29}{X}$ — 09 года».

2) *«Сергею Городецкому от Игоря Стравинского.*

Спб. 19— $\frac{29}{X}$ — 09 г.».

III

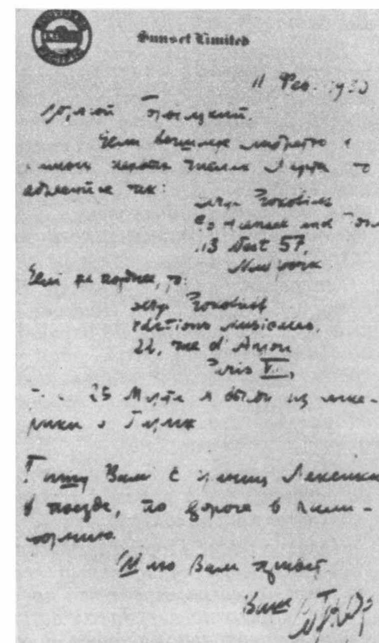
МОЛОДОЙ ПРОКОФЬЕВ

Сергей Сергеевич Прокофьев создал на мотив сочиненного С. Городецким либретто для неосуществленного балета свою «Скифскую сюиту». Предысторию ее рассказывает поэт:

«Я сочинял тогда либретто балета для Сергея Сергеевича... Под налетом его пальцев покорно вздрагивают клавиши — на одно, два, три мгновения — как он приказывает, и звуки, наслаждаясь властью мастера, рождают мелодию и начинают терзать ее в непривычных гармониях, до изнеможения, почти до угасания, пока она, испуганная причудами мастера, вдруг не возникает в своей цельности, пленительно чарующая, как душа, освобожденная из плена тела в мраморных глыбах Микеланджело... Я понимаю, за что полюбил его гениальный — тогда уже старик, которого я тоже имею счастье считать среди самых драгоценных друзей, — Анатолий Константинович Лядов, раскрывший нам душу и Бабы Яги, и Кикиморы, и все тайны «Волшебного озера».

Написал я либретто для Сергея Сергеевича. Написал он музыку балета... Но вместо балета в конце концов родилась «Скифская сюита».

Городецкий бережно хранил письмо, присланное ему из-за границы композитором.



Занимаясь театральной и музыкальной критикой, Городецкий писал и о творчестве С. Прокофьева. Интересен его разбор балета Прокофьева «Золушка», поставленного в 1945 году в Большом театре:

«Этот феерический спектакль блестяще осуществлен усилиями всего коллектива театра. Музыка С. Прокофьева, подвижная и гибкая, рассказывает о тончайших переживаниях остро волнующим, одному Прокофьеву свойственным языком. Композитор захватывает слушателя как в интимных сценах страдания и любви Золушки, так и в массовых сценах, рисующих ее торжество. Праздничные финалы звучат без обычной в таких случаях парадной напыщенности и холодности. И, конечно, для «Скифской сюиты» нашел ласковые и убеждающие краски для изображения прекрасной во всех своих движениях природы».

IV

ПИСЬМО А. И. ХАЧАТУРЯНУ

С. М. Городецкий тонко, можно сказать, профессионально разбирался в музыке. Воспитанный на

ЗЫКА

классических традициях русской музыки, он судил композиторов и исполнителей строго и доброжелательно, радуясь и гордясь успехами своих современников. О том — письмо А. И. Хачатуряну, написанное в Ленинграде в феврале 1958 года.

«Дорогой Арам Ильич.

Хочу поделиться с Вами своими впечатлениями от Вашего вечера.

Я с детства живу в музыке. Я помню Аренского в нашем доме, когда он принес романс, посвященный моей покойной сестре Елене Митрофановне.

Я помню день, когда она рыдала на рояле в день смерти Чайковского, и дом окружала тайна его смерти.

В этом зале, где шел Ваш вечер, Лядов познакомил меня с Римским-Корсаковым, и я обещал ему либретто, чему исполнится помешала его смерть. Я там слушал многих славных дирижеров.

Я был торжественно и глубоко взволнован, весь в музыке.

Я Вашу музыку знаю и люблю с самого начала. Не раз мне помогал ее понять Юрий Бирюков, Ваш соученик у Мясковского...

Но я никогда не слышал Вас на протяжении всего вечера. И не музыка меня беспокоила, а то, как Вы будете дирижировать.

Вы дирижировали, как композитор. (Так поступали и Глазунов и Лядов.) Скромно, вначале даже робко, без позы, с глубоким доверием к оркестру, Вы постепенно разгорались, и в таких номерах, как Andante mosso и Allegro brilliante, достигали вдохновения и силы подлинного дирижерского мастерства.

Теперь два слова о музыке. Вы сделали большое дело. Национальный эпос Вы подняли до звучания общечеловеческого. Это — один из триумфов ленинской национальной политики. Дать полную волю индивидуальности народов, и она расцветет в хоре народов!

Мне, русскому, эта Ваша победа особенно была ярка (а я тревожился!) в колоколах.

Нелегко после Глинки и Мусоргского перевести колокольный звон на язык оркестра. И вот что новое у Вас. Никто не передавал вступлений к колокольному звону. Я сам мальчишкой получал подзатыльники от звонаря за то, что торопился в начальных перезвонах маленьких колоколов. (В Орле ребят пускали на Пасху звонить — весь день звонили!)

Я вспомнил детство, слушая, с какой восточной нежностью Вы вырабатывали эти интродукции.

Ну, вот, это главное, что я хотел Вам сказать.

При встрече когда-нибудь поговорим о том, что во «Второй» мне не хватает общей философской концепции.

А виртуозному Берману скажите, чтоб он не боялся мягкости звука, отставания от громов оркестра в звучности — ведь Вы ему даете даже, м. б. несколько затянутые паузы для вступлений рояля.

С дружеским приветом

Сергей Городецкий».

V

ЗАМЕТКИ О МУСОРГСКОМ

Внимательно занимаясь историей русской музыки, изучая биографии композиторов, анализируя их творчество, С. Городецкий не раз выступал как компетентный и авторитетный музыкальный критик. Вообще широта его интересов, эрудиция и культура поразительны. Не случайно как равный общался он с такими замечательными деятелями отечественной культуры, как А. Белый, Вяч. Иванов, В. Брюсов, А. Блок, не случайно к слову его внимательно прислушивались самые известные деятели не только отечественного, но и мирового искусства. В бумагах поэта сохранились интересные записи о творчестве Мусоргского.

«Тремя чертами он крепко спаян с русской культурой: реализм, юмор и коллективизм — все эти три его черты глубоко народны. И окрашены они, к этому же, неудержимым стремлением вперед, истинным революционным жаром. Он писал Стасову: «Художественное изображение одной красоты в материальном ее значении — грубое ребячество, детский возраст искусства. Тончайшие черты природы человека и человеческих масс, назойливое «ковырянье» в этих малоизвестных странах и завоевание их — вот настоящее призвание художника. К новым берегам! Бесстрашно, сквозь бурю, мели и подводные камни, к новым берегам!»

Из этой тирады, великолепно определяющей основные устремления творчества Мусоргского, видно еще то, что его реализм психологичен, и что психология, интересующая его преимущественно,— это есть психология масс.

Вот этот психологический реализм и сделал Мусоргского реформатором оперы.

Именно его реалистическому чутью было невыносимо служебное положение музыки в прежней опере, где она служила как бы сопроводительной иллюстрацией к сюжету и тексту.

Как углубленный психолог, он помнил об исконной связи, о неразрываемом родстве звука и слова, и вот он создает такую оперу, в которой музыка рождается непосредственно из переживания, где звук и мысль равноправны.

Совершив эту первую революцию в опере, он совершает и вторую: делает из оперы «народную музыкальную драму», как называет он «Хованщину».

Правильнее было бы сказать — трагедию, ибо только этим словом можно определить весь объем его художественных заданий».

VI

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ В. Г. ДУЛОВОЙ

Замечательная советская арфистка В. Г. Дулова дружила с С. М. Городецким, он искренне восхищался ее мастерством и посвятил Вере Георгиевне несколько стихотворений. Среди них были и серьезные произведения и шутливые послания.

СОНЕТ

посвящается Вере Дуловой

Давно когда-то, в древности седой,
Какой-то воин, выстрелив из лука,
Постиг таинственную прелесть
звука,
Рожденного звенящей тетивой.

И струны натянул. И лук тугой
Стал арфой. Но томит ее разлука
С пернатою стрелой. И стон
и мука
Сроднились с каждою ее струной.

Но дни летят. И жизнь цветет все
краше.
И арфа дождалась артистки
нашей —
Той, чья душа и чувств и дум
полна.

И под ее руками все чудесней
Теперь звенит волшебной, новой
песней,
Свободной, смелой, звонкой, как
весна.

ВЕРЕ ДУЛОВОЙ

На Северный полюс
Ты вдруг улетаешь.
Я не беспокоюсь.
Что там ты растаешь.

Опасность другая
Грозит всей Европе,
Что, струны строгая,
Ты полюс растопишь.

И звонкие струны,
Твоей арфы нежность
Затопят и дюны
И Фьорд белоснежный.

АРФА

Вере Дуловой

Когда из голубого шарфа
Вечерних медленных теней
Твоя мечтательная арфа
Вдруг запоет о вихре дней.
О бурях неги, взлетах страсти,
Я весь в ее волшебной власти.
В ее ласкающих струях.

И кажется, что эти звуки
На волю выведут меня
Из праздной скуки, душной муки
Ушедшего бесплодья дня.

Это было одно из последних стихотворений, написанных С. М. Городецким. В нем вновь обращался он к образу любимой им музыки. Городецкий был в самом высоком смысле этого слова рыцарем искусства. Он отдал сердце поэзии, введенный в нее Блоком; увлекался живописью, благословленный Репиным; всю жизнь беззаветно и преданно служил поэт и музыке — первому, высочайшему из искусств.

В 1918 году в Тифлисе в газете «Кавказское слово» Городецкий опубликовал замечательную статью «Пути русской музыки». К сожалению, как и многие статьи поэта, это выступление забылось, затерялось в грудах газетных подшивок. Но вот лишь несколько отрывков из этой давней статьи, и они дадут ясное представление о ее значении и глубине духа ее автора:

«...Музыка, как эолова арфа, отражающая легчайшие дуновения всех ветерков, первая из искусств восприняла и должна будет выразить все переломы, происшедшие в душе русского народа под гнетом неслыханных катастроф... И вот, когда вулкан начинает утихать, мы смеем верить, что он пламенел недаром, что в его адском пожаре выплавлялся подлинный алмаз, еще закрытый от нас в угольную кору, но уже сверкающий внутри себя всеми радугами бытия.

А если так, то русская музыка первая отметила это чудо.

Музыка первая должна родить новых гениев, и теперь нужно осознать все условия, в которых этот грядущий гений может получить наилучшее развитие.

Они очевидны, эти условия: нужно подготовить базу для легкого рождения и роста гения.

Конечно, он будет обладать дерзновеннейшим духом, равным тому, который сжег Скрябина, и даже превышающим его. Но чтобы опять не повторилась личная трагедия Скрябина, погибшего от того, что слишком пламенный дух был заключен в слишком зыбком, хрупком, ломком, нежном теле, необходимо создать такую атмосферу, в которой новорожденный организм вырастал бы мощным и закаленным.

Такой атмосферой может быть только воздух народной песни.

Нужно, чтобы этот воздух, здоровый, крепкий и свежий, пронизал всю область музыкальной жизни, нужно, чтобы народная песня проникла во все салоны, на все эстрады, во все дворцы и во все хижины — ведь неизвестно, где родится гений. А для этого необходимо совершить безотлагательно большую и ответственную работу. Работу коллективную, научную, кропотливую и трудовую.

Нужно собрать все звуковое богатство, накопленное русским народом за долгие годы его исторической жизни... Родные звуки, еще нам неведомые, должны войти в наше сознание. И вот тогда, на этих мощных пластах станет возможной и плодотворной личная гениальность... Музыка менее зависит от времени и истории, чем литература. Она питается более глубокими корнями, и, опираясь на прошлое, она лучше видит будущее, чем мы, живущие на моменте и миге. И не может быть ничего более пленительного для русской национальной души, чем вера в свою музыку и проникновенное осознание ее путей».

Публикация материалов из архива С. М. ГОРОДЕЦКОГО Р. С. ГОРОДЕЦКОЙ

Подготовка текстов, вступление и комментарии В. ЕНИШЕРЛОВА

КНИЖНЫЕ РЕДКОСТИ

БОДЛЕР В «СНЕЖНОЙ МОСКВЕ»

В этой книге, которая найдена не у всемирно известных букинистов с набережной Сены, а в Москве, есть все, чтобы наполнить радостью сердце библиофила. Тираж 325 экземпляров, а этот двести сорок пятый. Крупный шрифт и большие поля. На фронтисписе офорт Огюста Ренуара. Золотое тиснение на светло-коричневом фоне сложилось в магические строки: «Стефан Малларме. Страницы». Издано в Брюсселе в 1891 году, то есть еще при жизни автора. Особенность экземпляра: портрет Малларме, выполненный знаменитым фотографом Надаром, вырезан из журнала «Иллюстрированное обозрение». Сделал это первый владелец книги, князь Александр Иванович Урусов, чей автограф — в правом нижнем углу. Круг замкнулся, когда спустя несколько лет мне удалось отыскать еще одну книгу из библиотеки А. И. Урусова: первое издание эссе Бодлера «Салон 1846 года», ставшее библиографической редкостью к концу прошлого века.

А. И. Урусов, известный адвокат, был другом и соратником Стефана Малларме, в содружестве с которым выпустил в 1896 году книгу «Гробница Шарля Бодлера». Шести стихотворениям из «Цветов зла» и воспоминаниям современников предшествовал научный комментарий А. И. Урусова. Это первая текстологическая работа, сделанная гораздо раньше французских ученых, в «снежной Москве», и заложившая основы современного бодлероведения. Первый исследователь, вплотную занявшийся изучением композиции бодлеровской книги, он озаглавил один из разделов своей работы «Тайная архитектура Цветов зла» — вопрос, и сегодня обсуждаемый французскими бодлероведами. Необходимо отметить, что А. И. Урусов перевел несколько бодлеровских стихотворений в прозе и статей. Но его литературная деятельность этим не исчерпывается. А. И. Урусова интересовали проблемы французской драматургии и прозы. Он оставил немало интереснейших страниц, посвященных дискуссионным вопросам реализма и натурализма, в частности эстетике Флобера. Эти материалы вошли в трехтомник, изданный после смерти А. И. Урусова его друзьями.

К их числу принадлежал К. Д. Бальмонт, назвавший А. И. Урусова утоляющим оазисом среди тех, чьи души замкнуты для ощущений красоты. В книге «Горные вершины» Бальмонт подчеркнул, что беседы с А. И. Урусовым помогли ему освободиться от литературных предрассудков и обрести самого себя.

Что касается двух книг с автографами А. И. Урусова, то они представляют собой важнейшие этапы творчества великих французских поэтов. «Страницы» Малларме — стихотворения в прозе, где все построено на нюансах мысли, чувства, музыки, где акцент сделан на таинственности и недосказанности. «Салон 1846 года» — трактат молодого Бодлера, в котором разработана не только теория романтизма, но и принципы искусства нового времени. Наконец, еще одна немаловажная деталь, которая должна была взволновать А. И. Урусова: на обложке книги «Салон 1846 года» возвещено, что в ближайшее время появится сборник стихотворений Бодлера. Правда, «Цветам зла», обессмертившим поэта, довелось увидеть свет лишь через одиннадцать лет.

Иван КАРАБУТЕНКО, кандидат филологических наук



В. Линец. Род. 1958. НА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДАЧЕ. 1981



Л. Гервиц. Род. 1946. ЛЕНИНГРАДСКОЕ КАФЕ. 1981

Михаил АНДРИАСОВ

ВСТРЕЧИ В СТАНИЦЕ ВЁШЕНСКОЙ



Выпускники средних школ Ростовской области встретились с М. А. Шолоховым. Вёшенская 28 июня 1981 года.

На протяжении почти всех десятилетий двадцатого века Михаил Александрович Шолохов живет на донской земле. И можно по-человечески понять, почему со всех сторон Отчизны так проторена народом дорога к вёшенскому дому писателя. Теперь, пожалуй, не скажешь точно, когда именно началось это паломничество в Вёшки, как с незапамятных времен казаки называют старинную станицу. На этой торной дороге всегда люди. Поистине никогда не остается безлюдной народная тропа к Шолохову.

В конце июня приехала в станицу большая группа девушек и юношей из Вёшенского, Боковского, Кашарского, Верхнедонского, Обливского, Миллеровского и других районов Ростовской области. Молодые хозяева донского края пришли к любимому писателю рассказать о том, как они думают строить свою жизнь, где и к чему хотят приложить свои руки.

Михаил Александрович внимательно выслушал их, с отеческой заботой поддержал разумные начинания. Первые трудовые тропки ребят явно по душе писателю.

Оживленно шла беседа в доме писателя. Увлеченность ребят, их творческий энтузиазм как бы говорили о том, что наследники Семена Давыдова и Макара Нагульнова сумеют сберечь и умножить народное достояние, которое добывалось в жестоких боях и в самоотверженном труде.

Когда прощались, Михаил Александрович тепло напутствовал своих юных друзей, пожелал им верно и честно служить Родине.

* * *

Не все читатели представляют себе, какие события и воспоминания роднят Михаила Александровича с древней землей Приуралья, где быстрые реки самобытного края соседствуют с хрустальными озерами западного Казахстана.

В годы Великой Отечественной войны, когда М. А. Шолохов ушел на фронт, а донская земля и станица Вёшенская оказались в прифронтовой полосе и от фашистской бомбежки погибла мать писателя Анастасия Даниловна, жена Михаила Александровича — Мария Петровна с детьми переехала с Дона на казахстанскую землю в приуральское село Дарьинское. В трудное время войны семья Шолоховых нашла в Дарьинском тепло и уют, сердечное участие братьев-казахов. Не зря большой казахский писатель Сабит Муканов в свое время говорил автору этих строк, что казахи считают Михаила Шолохова своим братом и называют его не иначе, как «Наш Шолохов».

К этому надо прибавить и мало кому известные факты из литературной биографии писателя. В Казахстане, в городе Уральске, в скромном домике № 48 по Комиссаровской улице, в трудные часы творческих поисков родились первые главы второй книги «Поднятой целины». Именно в этом домике Михаил Александрович правил гранки тех глав романа, которые в середине пятидесятых годов печатались в «Правде». Над этими главами работал автор «Поднятой целины» и в палатке в причелкарских степях.

Во многих местах Казахстана лично знают Михаила Александровича, живут его знакомые и друзья. Рабочие совхоза имени «Правды» помнят, как, находясь у них, писатель готовил для молодежи новое издание «Тихого Дона». Помнят здесь и другие дни, то время, когда Шолохов на Братановском яру, на берегах реки Урал настойчиво трудился над романом «Они сражались за Родину».

И вот к своему большому другу и земляку приехали в один из июльских дней этого года в станицу Вёшенскую дорогие гости из Казахстана: мастер машинного доения колхоза «Вперед к коммунизму», депутат Верховного Совета СССР А. А. Коржова, председатель исполкома Приуральского районного Совета народных депутатов С. М. Селютин и заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Уральского обкома Компартии Казахстана С. К. Успанов. На задушевную встречу в доме Шолохова пришел и первый секретарь Вёшенского райкома КПСС Н. А. Булавин.

Вспоминались памятные события Дарьинского, многие жители села, которых Шолоховы хорошо знали. Хозяева дома проявили живейший интерес к сегодняшним дням Приуральского района, к рассказу о значительных изменениях, которые произошли там за последние годы. Михаил Александрович интересовался экономикой и культурой степного края.

Ему рассказали о том, что в районном центре Дарьинском в доме, где бывал Михаил Александрович и где жила в годы войны Мария Петровна с семьей, открыт музей. Там собраны документы, свидетельствующие о дружеских связях большого русского писателя с Казахстаном и его народом. Тут же в музее находятся личные вещи писателя, фотографии, книги, газеты и другие редкие экспонаты, рассказывающие о малоизвестных страницах жизни Шолохова.

Гости вручили писателю дипломы об избрании его почетным гражданином села Дарьинского и города Уральска, преподнесли символический ключ от Уральска.

Ростов-на-Дону.

М. А. Шолохов беседует с гостями из Казахстана. Вёшенская 10 июля 1981 года.

Фото В. Чумакова



премьера

Галина ГОГОТИШВИЛИ

УСПЕХ САМЫЙ ПОЛНЫЙ

Драматургия А. Островского кажется совсем нетрудной для воплощения на сцене. Но об эту обманчивую легкость разбилась не одна режиссерская попытка. Есть что-то потаенное, глубинное в пьесах драматурга, что отчаянно сопротивляется как принудительной модернизации, так и откровенному жанризму. Найти ту золотую середину, когда режиссерское решение совпадает с авторским замыслом, удается в наше время не так часто. Но все-таки открытия случаются. И тогда таинственная страна классической пьесы вдруг оказывается способной захватить зрителя и сегодня, как сто лет назад; дать ему редкие минуты подлинного волнения. Такой особой эмоциональной силой воздействия обладает новый спектакль Малого театра «Без вины виноватые». Он смотрится — как поставлен: легко, увлеченно, на одном дыхании. И, может быть, талантливая своеобразная интерпретация этой пьесы режиссерами В. Хохряковым и А. Бурдонским — лучший ответ сторонникам интеллектуального, «антиэмоционального» театра, обращающегося более к рассудку, чем к душе зрителя. Режиссура уловила за знакомыми ситуациями пьесы человеческую трагедию, и актуальность нравственной проблематики придала спектаклю современное звучание. Не понадобились поиски какого-то особенного стиля постановки. При глубоком, заинтересованном прочтении стиль родился естественно, в лучших традициях Малого театра. Спектакль поставлен серьезно, строго, без надоевших уже режиссерских «экспериментов». Он непринужденно сочетает в себе великолепный актерский ансамбль, прекрасную сценографию Е. Куманькова — бытовую, а вместе с тем поэтичную, выразительную, тесно связанную и с духом всего спектакля и с элегической музыкой композитора В. Чернышова. Музыка и сценография «дышат» в спектакле, придавая ему свое очарование.

...Погаснет свет в зрительном зале. Луч света упадет на алый бархат закрытого еще занавеса, и зазвучит полная драматизма мелодия. Потом занавес неслышно уйдет, открыв взгляду скромную комнатку с веселым щебетом птиц в саду за окном. Солнечно, уютно. Ничто не предвещает той трагически высокой ноты, которая прозвучит в спектакле позже, когда доверчивая нежность Любы Отрадиной будет так расчетливо и естественно в мире «волков» попрана любимым ею человеком — Муровым (Б. Клюев).

Элину Быстрицкую — она играет и Любовь Отрадину и Кручинину — не смущают мелодраматические ситуации пьесы — «трогательный» сюжет с потерянным и найденным через много лет ребенком. Актриса играет с пронзительным психологизмом, проживая судьбу своей героини, внося трагический мотив в драму Кручининой и обретая социальный масштаб. В Кручининой — Быстрицкой есть та нравственная сила, которая позволила ей подняться над подлостью, эгоизмом, бездуховностью «темного царства», и та душевная чистота, что делает ее здесь поистине лучом света. Замкнутая, одинокая женщина с гордым и скорбным лицом, она настолько выше окружающих ее «талантов» и их «поклонников», что пошлость словно бы и не касается ее. Ведущий мотив образа, который с покоряющей искренностью и убедительностью создает Быстрицкая, не упоение страданием, а доброта и человечность. Та бескорыстная доброта, о которой с такой проникновенностью и теплотой говорит Кручинина Незнамову, что не поверить ей нельзя. Верят зрители. Верит Незнамов. Поэтому-то смягчается его лицо, исчезают резкие интонации; он откликается на ласковость этого голоса, на доброе сияние глаз... Роль Кручининой, как ее играет Э. Быстрицкая, требует огромных душевных сил, и актриса так беззаветно тратит их, что после драматически напряженной сцены с Галчихой становится страшно: выдержит ли Быстрицкая. Ведь впереди еще такая трудная финальная сцена узнавания сына. Откровенно говоря, столько ведь здесь возможностей впасть в самую «жестокую» мелодраму, поиграть на нервах зрителей. Но Быстрицкая миновала и этот риф,— естественно, свободно, без надрывающих душу криков... Все просто, сдержанно у актрисы, и от этого еще более трагична и возвышенна ее игра.



Сцена из спектакля «Без вины виноватые». В роли Кручининой — Э. Быстрицкая, Незнамов — А. Овчинников.

Фото И. Ефимова

...Сквозь кружевное переплетение ветвей сада богатого помещика Дудукина видна живописная панорама городка: уютные домики с мезонинами, купола церквей, башни колоколен. Кружево ограды, изящная садовая мебель, свет затейливых чугунных фонарей; много воздуха и простора,— это нарядный и благополучный мир. Здесь уместны легкие чувства, роскошные туалеты. И как неуютно здесь «без вины виноватым» с их скорбью, их страстями. И потому с особой обличительной силой звучит контрастом этой красивой жизни горячий монолог Незнамова о «матерях, бросающих своих детей», адресованный еще и нынешнему — благополучному, но жестокому иногда миру.

Замерла, закаменела Кручинина, впившись взглядом в сына. Отчаянная, невозможная надежда в ее глазах. Боль и страдание. Боязнь ошибиться. И под этим светом все больше разглаживалось лицо Незнамова, становясь совсем детским, открыто беззащитным.

Мать и сын не бросились друг к другу; только неотрывно смотрит, смотрит Кручинина на сына, и чуть подрагивает рука, протянутая к нему. И уже не сдерживаемые слезы льются по прекрасному лицу актрисы. Словно рушилась плотина, которая держала чувства Кручининой все долгие годы.

«Выучиться так играть нельзя. Так можно только переживать, имея в сердце искру божию»,— это сказал И. Тургенев о другой актрисе, П. Стрепетовой. Но можно сказать и о Э. Быстрицкой, напомнившей современному зрителю то высокое, что вкладывалось прежде в понятие **«трагическая актриса»**.

В одном ключе с Э. Быстрицкой играет А. Овчинников Незнамова. Сам Островский считал этот образ сложным для исполнения. «Незнамова очень трудно играть: в нем есть и дурное и хорошее, и все это должно проявляться и в жестах, и в тоне...» — отмечал драматург. Это «дурное и хорошее» в своем горячем, честном герое очень отчетливо понял Овчинников. С огромным темпераментом и благородным чувством меры сыграл он Незнамова, пленив искренностью сценического бытия героя и умением существовать в мире высокого, чистого трагизма.

Основной же мотив образа, как и у Кручининой,— доброта. Он беззащитен перед добротой. Он сердцем стремится к каждому, кто обойдется с ним, как с человеком.

Великолепен А. Овчинников в монологах, наполняя их молодой, горячей страстью; прекрасно играет он и в ансамбле, не выдвигая себя на первый план, составляя удачный дуэт и с Кручининой и со Шмагой, умно и нетрадиционно сыгранным А. Смирновым.

Очень неожиданный, интересный образ провинциальной актрисы, умеющей приспособиться к обществу, в котором живет и даже отчасти властвует, создает Л. Юдина. За внешней пустотой ее Коринкиной, этой очаровательницы первых рядов партера, вдруг проглядывает далеко не глупая и даже страдающая женщина, растратившая себя на таких недалеких «обожателей», как «первый любовник» Миловзоров (В. Ткаченко), и меценатов типа Дудукина (С. Харченко). Очарование женственности, капризного изящества в сочетании с блеском виртуозной актерской техники... Л. Юдина создает яркий антипод образа Кручининой.

Перефразируя известное изречение Станиславского, можно сказать, что в спектакле есть маленькие роли, но нет маленьких актеров. Убедительно играют М. Фомина Аннушку, преданную горничную Отрадиной; Л. Гайликовская — Галчиху, А. Клюквин — Ивана, слугу в гостинице, без традиционно-лакейской услужливости... И глубоким содержанием наполняется такое уже полузабытое понятие, как гармонический актерский ансамбль.

Нет, в искусстве мелочей не бывает. И эстетическое наслаждение, сливаясь с эмоциональным воздействием спектакля, рождает чудо полного театрального успеха.

«Успех был полный от начала до конца»,— отозвался сто лет назад о тогдашней премьере «Без вины виноватых» современник. И он словно предвосхитил успех нового спектакля Малого театра.

МИНИАТЮРЫ

Юрий БЛАГОВ

ЦИФРЫ ПОДСКАЗЫВАЮТ...

Мы со студентом Петровым
не олухи,
С мединститутом простившись
едва,
Из терапевтов ушли в стоматологи:
Сердце — одно, а зубов — тридцать
два!



НЕПОНЯТНО, НО ФАКТ

Отказываюсь начисто
Постичь такой секрет:
На коньяках — Знак качества,
А на лекарствах — нет...

УСТОЯВШЕЕСЯ МНЕНИЕ

«Ну, разве теперь молодежь?
В ней хватки былой не
найдешь!» —
Писал в раздраженье Сократ
Две тысячи лет назад.

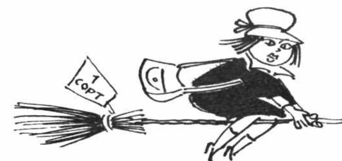
Вас. БИРЮКОВ
(Рязань)

МУЗЕЙНЫЙ ГОРШОК

Изрек горшок
В большой печали:
— Любуются!
А жил — не замечали.

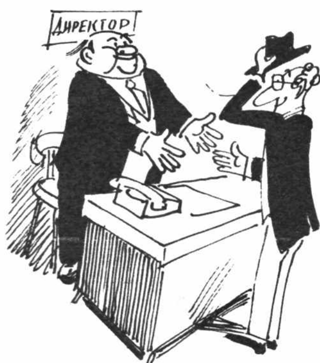
ПОЛЕТИТЕ САМИ?

И час
И два
Товары выбирала.
— Метлу возьму,—
Она сказала.
Вслед продавец
Промолвил даме:
— Вам завернуть
Иль полетите сами?



Борис РЯБЕНЬКИЙ
(Минск)

ЗНАКОМОЕ ЛИЦО



В который раз Воеводин зашел в автомагазин и, спросив ротор распределителя для «Жигулей», услышал от продавца привычное: «Нет и неизвестно когда будет».

Чаша терпения Воеводина переполнилась, и он через служебный ход направился к директору. Но его опередил мужчина в кожаном пальто.

Мужчина вошел в кабинет, и Воеводин услышал сквозь приоткрытую дверь:

— Здрасьте, Сергей Андреич! Я от Рыкова.

— Здравствуйте, здравствуйте! Чем могу?.. Для друзей Ивана Спиридоновича сделаю все, что в моих силах.

Назавтра с утра Воеводин зашел к директору.

— Здравствуйте, Сергей Андреевич! Я от Рыкова,— выпалил он с порога.

— А, пожалуйста. Что вам угодно?— тепло осведомился директор.

Воеводин от волнения растерялся и совсем забыл про ротор.

— Мне бы распредвал с рычагами, крестовины карданные, свечи, глушитель,— стал он перечислять самые дефицитные детали автомобиля.

Через пять минут заказанное уже лежало в одном большом картонном ящике, а Воеводин нервно тряс руку мягко улыбающемуся директору.

— Заходите, пожалуйста, всегда к вашим услугам,— сказал на прощание директор.

Воеводин стал заезжать в автомагазин регулярно. Через месяц директор знал его в лицо, и Воеводину не надо было напоминать, кто он и от кого.

Теперь Воеводин мог обеспечивать запчастями не только себя и вскоре стал пользоваться авторитетом на работе и среди друзей. Жизнь казалась ему яркой и насыщенной. Немного отравляли ее лишь настойчивые просьбы жены достать вешалку в прихожую.

Частые круизы по мебельным магазинам ни к чему не привели.

Однажды, после традиционного «нет», разгневанный Воеводин направился к директору. Ворвавшись в кабинет, он уже хотел ударить кулаком по столу, но вдруг смягчился. Лицо директора показалось ему удивительно знакомым.

— Мы с вами где-то встречались,— неожиданно для себя улыбнулся Воеводин.

— Да, да, только вот где?— напряг память директор.— Постойте, постойте, не у Сергея ли Андреевича в автомагазине?

— Точно!— обрадовался Воеводин.

— Будем знакомы! Рыков,— почтительно протянул руку директор.— Вы по делу?

— Да как вам сказать...

— Не стесняйтесь. Свои люди. Для друга Сергея Андреевича я, разумеется, все сделаю.

У Воеводина перехватило дыхание и бешено забился пульс.

— Мне бы гарнитурчик... гостиный... «Людовик XIV»,— смущенно произнес он.

— К сожалению, «Людовик XIV» позавчера кончился, но могу сделать «Людовик XV»,— любезно предложил директор.

— Прекрасно!— простонал Воеводин и вытер рукавом вспотевший лоб...

Как-то он заехал в магазин «Подписные издания». Лицо директора показалось ему удивительно знакомым...

Н. ЛУЧИНСКИЙ
(пос. Кодино Архангельской обл.)

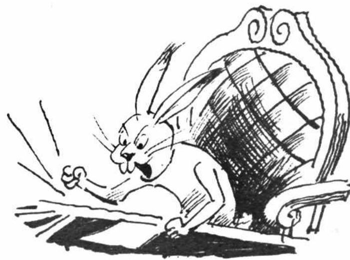
ЗАЯЦ-АДМИНИСТРАТОР

БАСНЯ

Косой остался и. о. Льва
(Тот отбыл в главк на совещанье).
У Зайца закружилась голова.
Почуяв львиные права,
Он обалдел от самолюбованья
И грозно фыркнул из дверей:
— Лиса! Позвать ко мне зверей!
Явились звери, робко озираясь,
Расселись, кто как мог.
(Слону пришлось стоять...)
Тут и. о. Льва, пыхтя и раздуваясь,
Пошел катать и распекать:
— Бездельники! Не все опять?
Где этот, как его... Где Заяц?!
— Но...— сорвалось невольно
у Совы,—
Простите.., но ведь Заяц...—
это вы...
— Что? Как ты, старая, сказала?
(У зама усики от гнева задрожали.)
Я — и. о. Льва! Пора бы это знать!
Почти что Лев! И впредь
не потерплю я!
А Зайца за неявку снять!
Лиса, пиши ему: «Уволить!» —
в трудовую...
Всегда он так: шатай-валяй...
Прогульщик злостный! Разгильдяй!

* * *

Вернулся Лев и прекратил содом.
А Зайца от Косого защитил
местком.
...И то с трудом.



В. ШАЛИМОВ
(Харьков)

В РЕСТОРАНЕ

— Официант! Оркестр не отдыхает,
своею музыкой изводит нас давно.
Но если по заявкам он играет,
пусть музыканты поиграют...
в домино!



Борис НОТКИН
(Ленинград)

ЕХИДНЫЙ ВОПРОС

Хотя вопрос мой каверзный весьма,
Но я хотел бы получить ответ:
Не потому ли, что ученых тьма,
Не каждое учение их — свет?



ВСЕГДА ПРАВ

В торговле есть неписаный устав.
Он истину отлично отражает:
Всегда и всюду покупатель прав...
Когда он продавца не раздражает.



Михаил ВЛАДИМОВ

ПО РУБЛИКУ С НОСА

ФЕЛЬЕТОН



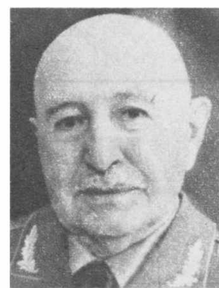
Лежал я в палате...
Какая-то дама —
Со списком:
— С вас рубль на подарок
врачу...
В четверг у него
Именинница мама...
«А я-то при чем?» —
Возразить ей хочу.
Но где-то во мне
Голосок-колокольчик:
«Молчи,— приказал,—
Не постой за ценой.
А вдруг не доколют
Какой-то укольчик
Иль градусник вставят
Не той стороной!»
Сидел я на службе...
«Обходчики» — снова:
— Замзавова дочь
Родила близнецов...
— Упал с табурета
Свояк завстоловой...
— Вторично женился
Главбух Огурцов!..
Конечно, целковый
В кармане не лишний,
Но вдруг... не подпишет
Мне отпуск замзав,
В столовой
Компот подадут мне без вишен,
Главбух...
Нет, ему — из сочувствия —
дам!
Вот так вереницею
Сборщики «дани»:
Никто их не слал,
Они сами пришли.
И я расстаюсь добровольно
С деньгами,
Как будто печатаю сам я
рубли!


Ф. Абрамов


М. Алексеев

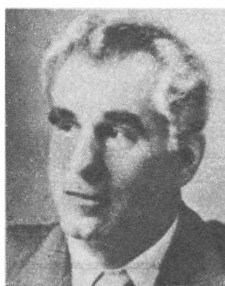

М. Алпатов


А. Арзуманян


И. Баграмян


М. Баринов


Р. Гамзатов

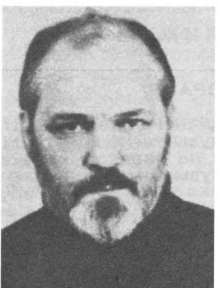

Н. Гилевич


Ю. Григорович


Дм. Демин


Е. Евтимов (Болгария)


Л. Ершов


Ю. Карякин

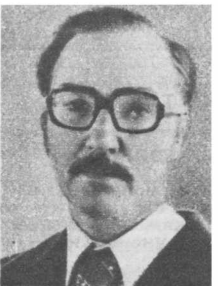

А. Кибальников


В. Кожевников


О. Кожухова


А. Корнеев


П. Кочина


В. Петрусенко

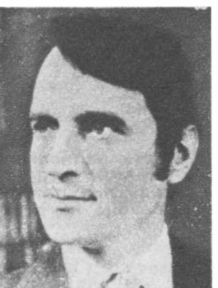

С. Лыкошин


И. Ляпин


Д. Методиев (Болгария)


Д. Налбандян


О. Немировская


И. Савельев


К. Салыков


В. Севастьянов


М. Таль


О. Снуратов


В. Толубко

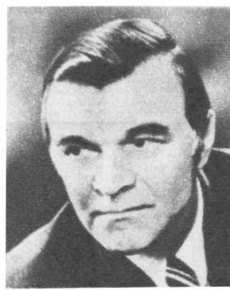
ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1981 ГОД

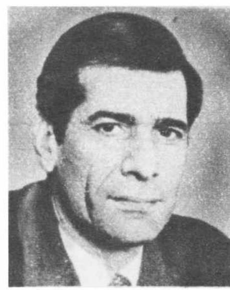

В. Цыбин

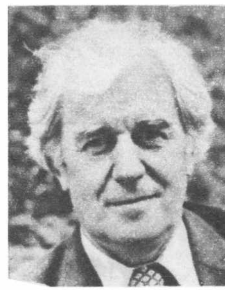
Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила денежными премиями и грамотами лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение года:

Ф. АБРАМОВ — «Трава-мурава» (№№ 17—19); М. АЛЕКСЕЕВ — «Драчуны» (№№ 21—41), роман; М. АЛПАТОВ — «Пикассо» (№ 43), статья; А. АРЗУМАНЯН — «Возвращение Айвазовского» (№№ 2, 3), очерк; И. БАГРАМЯН — «Июнь сорок первого — июнь восемьдесят первого» (№ 25), интервью; М. БАРИНОВ — «Учиться победно» (№ 28), интервью; К. БАРЫКИН — «Обреченные на уценку» (№ 38) и другие экономические репортажи; Ю. БОНДАРЕВ — «Выбор» (№№ 38—44, 46—52, 1980; №№ 1—7, 1981), роман; М. БСИСУ (Палестина) — «На баррикаде — песни» (№ 34), стихи; Ю. БЫЧКОВ — «Господин Великий Новгород» (№ 32), очерк; Н. ВЕЛЕХОВА — «Актер бури и натиска» (№ 7), очерк; И. ВИШНЕВСКАЯ — «Крутится, вертится шар голубой...» (№ 33), очерк; Р. ГАМЗАТОВ — из книги «Автографы» (№ 25), стихи; Н. ГИЛЕВИЧ — «Рассветные березы» (№ 32), стихи; Ю. ГРИГОРОВИЧ — «Поэзия танца» (№ 44), статья; Дм. ДЕМИН — стихи к рисункам художников Кукрыниксы; Е. ЕВТИМОВ (Болгария) — «Любовь — как детство» (№ 29), стихи; Л. ЕРШОВ — «Эпос «Тихого Дона» (№ 29), статья; А. ЖАСИНТО (Ангола) — «Голос народа» (№ 48), стихи; Ю. ЖУКОВ — «Конгресс наемных убийц» (№ 44), статья; В. ЗАСЕЕВ — «Предел самостоятельности» (№ 25), очерк; С. КАЛИНИЧЕВ — «Боль памяти» (№ 25), «Если смотреть в корень» (№ 48), очерки; Г. КАНАФАНИ (Палестина; посмертно) — «Возвращение в Хайфу» (№№ 17—19), маленькая повесть; Э. КАРДЕНАЛЬ (Никарагуа) — «Над Никарагуа развеялась ночь» (№ 11), стихи; Ю. КАРЯКИН — «Люблю жизнь для жизни...» (№ 6), «Я видел истину» (№ 46), статьи; А. КИБАЛЬНИКОВ — «Александр Герасимов» (№ 44), статья; В. КОЖЕВНИКОВ — «В дождь вечером» (№ 1), рассказ; О. КОЖУХОВА — «Пока не забылось» (№№ 49, 50); А. КОРНЕЕВ — «К деревьям этим сердцем прикоснись» (№ 15), стихи; П. КОЧИНА — «Математик из села Милолюб» (№ 37), очерк; Р. КРАФТ (ГДР) — «Мосты к юности» (№ 19), очерк; Ф. КУЗНЕЦОВ —


К. Барыкин

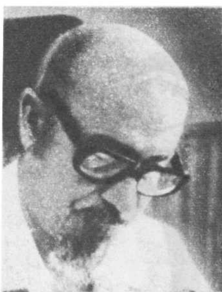

Ю. Бондарев


М. Бсису (Палестина)

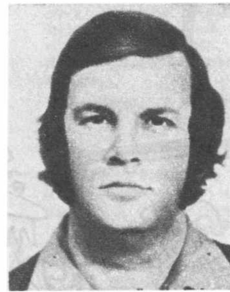

Ю. Бычков


Н. Велехова

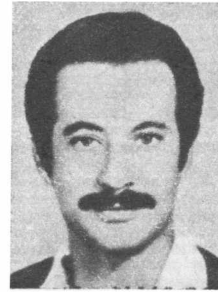

И. Вишневская

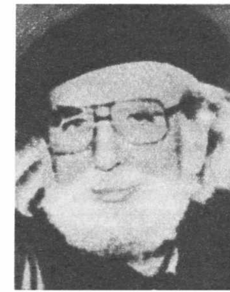

А. Жасинто (Ангола)


Ю. Жуков


В. Засеев


С. Калиничев


Г. Канафани (Палестина)

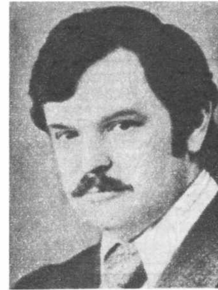

Э. Карденаль (Никарагуа)


Р. Крафт (ГДР)


Ф. Кузнецов


С. Куинь (Вьетнам)

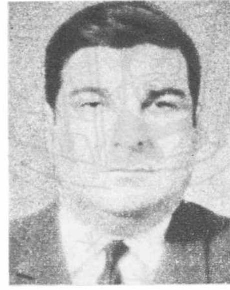

Д. Лелюшенко


А. Лиханов


С. Лосев


Д. Олдридж (Англия)


О. Петриченко


П. Пинкисевич

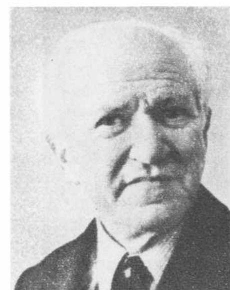

Б. Протопопов

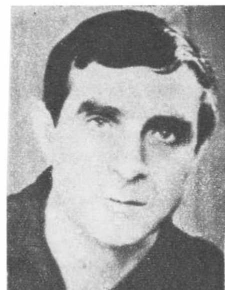

Ф. Решетников


Е. Рябчиков


И. Тункель


Л. Хименес (Сальвадор)


З. Хирен


Д. Холендро


Т. Хренников


С. Цвигун


М. Шагинян


Л. Шерстенников


О. Шестинский


Л. Юнина


Б. Явуухулан (Монголия)


В. Яковенко

«Литература — сила созидающая» (№ 8); С. КУИНЬ (Вьетнам) — «Метелки тростника» (№ 12), стихи; Д. ЛЕЛЮШЕНКО — «Недаром помнит вся Россия...» (№ 39), очерк; А. ЛИХАНОВ — «Сын России» (№ 11); С. ЛОСЕВ, В. ПЕТРУСЕНКО — «Преступление века: розыск продолжается» (№№ 46—50), документальная повесть; С. ЛЫКОШИН — «Бессмертное слово» (№ 46), статья; И. ЛЯПИН — «Линия судьбы» (№№ 23, 24), поэма; Д. МЕТОДИЕВ (Болгария) — «Песнь песней» (№ 18), поэма; Д. НАЛБАНДЯН — «Счастье художника» (№ 25), «Во имя мира» (№ 50), статьи; О. НЕМИРОВСКАЯ — «Крылатые кони степи» (№ 18), статья; Джеймс ОЛДРИДЖ (Англия) — «На вулкане» (№ 8), статья; О. ПЕТРИЧЕНКО — «Мгновенье, ты прекрасно» (№ 36), очерк, «В годах — дела столетий» (№ 45), статья; П. ПИНКИСЕВИЧ — иллюстрации к роману Ю. Бондарева «Выбор» (№№ 1—7) и М. Алексеева «Драчуны» (№№ 21—41); Б. ПРОТОПОПОВ — «Варварство» (№ 42), фельетон; Ф. РЕШЕТНИКОВ — «Во имя жизни» (№ 30), статья; Е. РЯБЧИКОВ — «Полигон» (№ 3). рассказ; И. САВЕЛЬЕВ — «Привязанность» (№ 52), стихи; К. САЛЫКОВ — «Эдельвейс» (№ 6), поэма; В. СЕВАСТЬЯНОВ — «Полет в бессмертие» (№ 15), очерк; М. ТАЛЬ — «Когда оживают фигуры» (№№ 20—25), документальная повесть; О. СКУРАТОВ — литературная запись; В. ТОЛУБКО — «Слово о Келдыше» (№ 5), статья; И. ТУНКЕЛЬ — цветные вкладки «Господин Великий Новгород» (№ 32), «На дунайской волне» (№ 36); Л. ХИМЕНЕС (Сальвадор) — «Бессонная ночь в тюрьме» (№ 39), стихи; З. ХИРЕН — «Москва, октябрь — декабрь 1941» (№ 49), «Москва, декабрь 1941» (№ 52). Из дневника фронтового корреспондента; Д. ХОЛЕНДРО — «Плавни» (№№ 4—8), повесть; Т. ХРЕННИКОВ — «Могучий талант» (№ 39), статья; С. ЦВИГУН — «Ураган» (№№ 21—45), документальный роман; В. ЦЫБИН — «Стучится время в грудь мою» (№ 22), стихи; М. ШАГИНЯН — «Говорит Низами» (№ 41), «Александр Фадеев» (№ 52), статьи; Л. ШЕРСТЕННИКОВ — цветная вкладка «Шаги в океан» (№ 12); О. ШЕСТИНСКИЙ — «Материнский голос» (№ 33), стихи; Л. ЮНИНА — «Директор» (№№ 47, 48), рассказ; Б. ЯВУУХУЛАН (Монголия) — «Напев родных моих степей» (№ 28), стихи; В. ЯКОВЕНКО — «Чистое небо» (№ 49), стихи.

Юмор

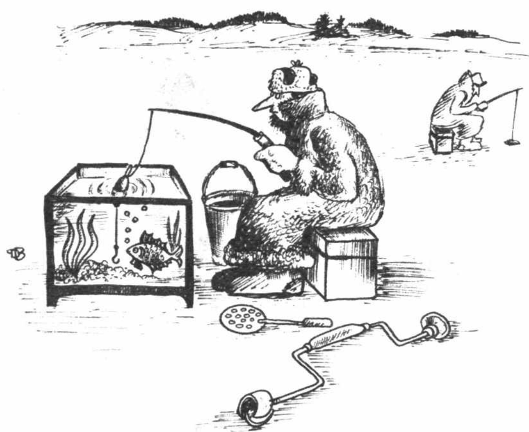
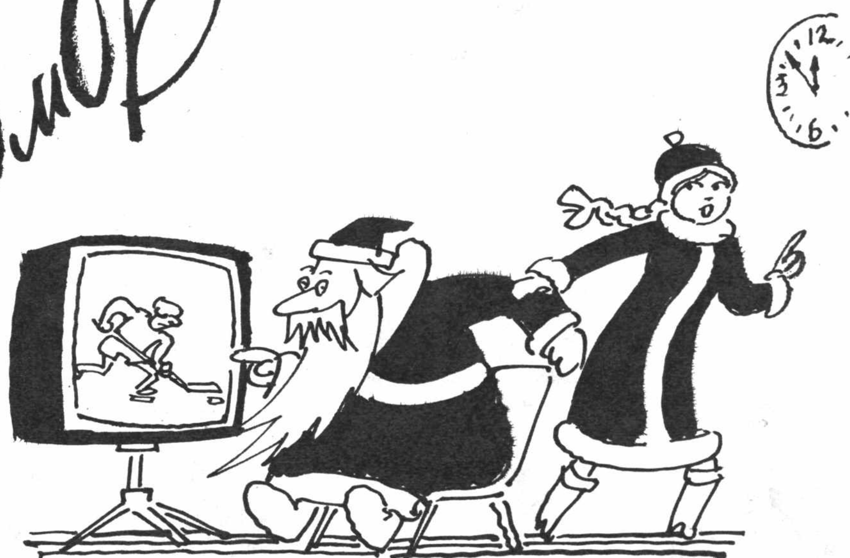


Рис. В. Дубова



Увлекся.

Учитывая вкусы.



Рисунки Ю. Черепанова



Рис. Л. Шарифжановой

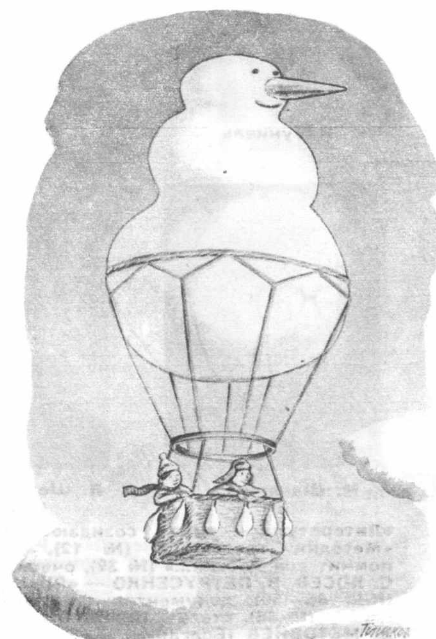


Рис. Л. Сторожука (Харьков)

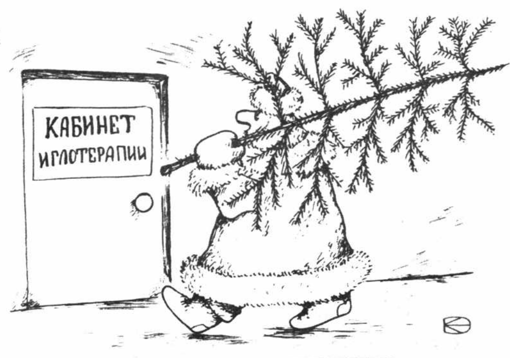


Рис. В. Казаневского (Киев)



Рис. Л. Тишкова

Густав СТОПКА

НЕЗАМЕТНЫЙ СПЕЦИАЛИСТ

ЮМОРЕСКА

Наш участок страдал и от нехватки кадров, и от текучести рабочей силы, и от всяких прочих неприятностей вроде некомплекта запчастей. И никто не видел выхода из этого тупика. Но однажды инспектор отдела кадров привел к нам нового работника.

— Прошу любить и жаловать! — сказал он.— Этот товарищ вытащит ваш участок из прорыва. Он — мастер на все руки. Зовите его просто Фердинандом.

Вы бы видели этого «мастера на все руки»! Типичный комик: маленький, тщедушный. У нас ремонтные работы — тяжести нужно ворочать, а в Фердинанде всего килограммов сорок веса, не больше.

— Вы хотите спросить,— начал Фердинанд, внимательно меня разглядывая,— разбираюсь ли я в ремонте станков? Нет. Ничего не понимаю в вашем деле и не собираюсь заниматься ремонтом. Я гипнотизер. Работники эстрады взяли шефство над предприятиями города. Меня направили к вам.

— Нам, товарищ Фердинанд, не до шуток! Голова трещит от неприятностей, давление, понимаете, туда-сюда прыгает,— вздохнул я,— производительность труда хромает.

— Я внушу вам хорошее настроение, и работа пойдет лучше,— сказал Фердинанд.

Он замахал своими тощими ручками, и вдруг мне стало так хорошо, приятно, свежо на душе, словно я выпил подряд три кружки холодного пльзенского. И все неприятности уплыли куда-то далеко, и даже показалось, что мы можем перевыполнять план, и руки бодро потянулись к инструменту.

— Ну, как вы себя чувствуете? — спросил Фердинанд.

Я с трудом стряхнул с себя его чары.

— В своем деле вы, конечно, большой мастер,— сказал я.— Иллюзии, гипноз, фокусы — дело хорошее, но не знаю, чем это может нам помочь. Ребята совсем разуверились в своих силах, план идет на сорок процентов...

— Но ведь вам уже захотелось работать? — улыбнулся Фердинанд.— Вы готовы сейчас горы своротить?

— Это верно...— сознался я.— Но нас тут тринадцать человек!

— Хорошее число! — подмигнул мне Фердинанд.— Дайте-ка их сюда по одному...

На наших ремонтников гипнотизер произвел потрясающее впечатление. Слесарю Ондре он внушил, что жена ему никогда ни с кем не изменяла, и Ондра, который из-за своей дурацкой ревности не мог работать, стал выполнять две нормы. Механику Пупаве, у которого все валилось из рук, внушил, что он жонглер. Пепичку, который уже с утра начинал попивать и к обеду набирался до чертиков, Фердинанд внушил отвращение к выпивке и любовь к трудовому процессу, а сборщику Франте — необходимость овладеть сразу тремя смежными профессиями.

Короче, наших ребят трудно было узнать.

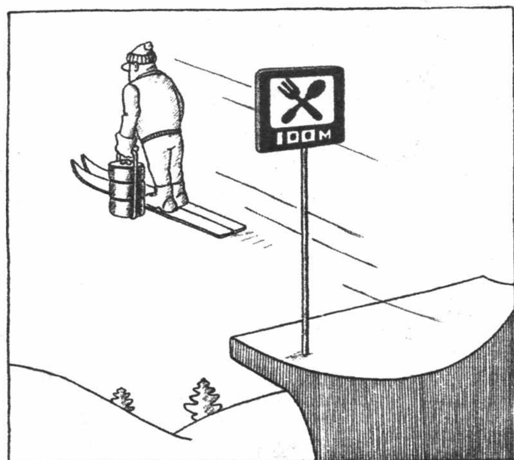
Мы уже начали подбираться к показателям передовых бригад, но приехал инспектор отдела кадров и сказал:

— Фердинанда берет к себе в консультанты директор. Заводу не поставляют нужных деталей, задерживают фонды — тут без гипноза не обойтись. Только Фердинанд может внушить тому, кому положено, что нам необходимы средства, материалы и так далее.

И гипнотизера увели. Это был самый черный день нашего участка.

Вот почему я лично считаю, что нам нужно специальное училище для обучения гипнотизеров. Если бы на каждом участке сидел гипнотизер — как бы шла работа на нашем заводе? Но, конечно, другим нашего секрета нельзя открывать — вы представляете, что бы получилось, если бы у всех были свои штатные гипнотизеры?

Авторизованный перевод со словацкого Бориса ПРИВАЛОВА.





Рисунки В. Ашманова

Быстро одевайтесь: срочно потребовалась еще одна Снегурочка.
Рис. В. Тамаева





ЮБИЛЕЙ НА АРЕНЕ

Юрию Никулину — шестьдесят! Хотите — верьте, хотите — нет. Этому событию был посвящен торжественный (и веселый) вечер на арене Калининского цирка. Лет тридцать назад в этом городе зрители впервые увидели новый коверный дуэт Юрия Никулина и Михаила Шуйдина. Увидели и полюбили. Как полюбили и незадачливого Балбеса, милиционера Глазычева, Семена Семеновича с его «бриллиантовой» рукой, шолоховского рядового Некрасова, журналиста Лопатина — экранных героев Никулина.

Цветы, улыбки, добрые слова юбиляру адресовали в этот вечер его сегодняшние коллеги и ветераны цирка, фронтовые друзья и многочисленные зрители. В праздничном представлении принял участие и сам виновник торжества — народный артист СССР Юрий Владимирович Никулин.

Л. ШЕРСТЕННИКОВ

Фото автора

Новые товары в Новом году

Геннадий КОСТОВЕЦКИЙ,
Олег ПОПОВ
(Киев)

ЮМОРЕСКА

Друзья, мы с вами на выставке новых товаров широкого потребления, с которыми пока знаком только узкий круг специалистов, но которые, того и гляди, могут появиться на прилавках наших магазинов.

Перед вами новый миниатюрный **холодильник «Солнышко-4а»**. Он только внешне кажется таким громадным. Объем его всего пять литров. В отделке использованы традиционные уникальные породы дерева: карельская береза, красное и черное дерево, а также мрамор и гранит. Холодильник противоударный, пылевлагowодонепроницаемый, так что его можно смело ставить не только на кухне, но и, скажем, в ванной. Сейчас конструкторы работают над совершенно герметичной моделью холодильника, обладателям которого не надо будет думать, где хранить продукты. Им остается только решить, где хранить холодильник.

Обратите внимание на эти **моющиеся обои.** Не правда ли, они чем-то напоминают знаменитые персидские ковры?.. Да, и ценой. Обои можно не только мыть, но гладить, штопать, выбивать... При желании можно и наклеить на стены. Опытные образцы уже по нескольку лет висят в некоторых квартирах, за которыми следят опытные работники... ОБХСС.

Спичечный коробок, который вы видите,— не что иное, как миниатюрный **магнитофон «Ласточка»** с уникальными акустическими свойствами. Его выходная мощность позволяет перекрывать звук стартующего сверхзвукового самолета, что особенно ценно для тех, кто живет вблизи аэропортов и танцевальных залов. Магнитофон — неоценимое подспорье для рыбаков. С его помощью можно не только слушать музыку на берегу реки, но и глушить рыбу, не прибегая к помощи динамита. Кроме того, с помощью магнитофона рыбак рыбака будет не только видеть издалека, но и хорошо слышать.

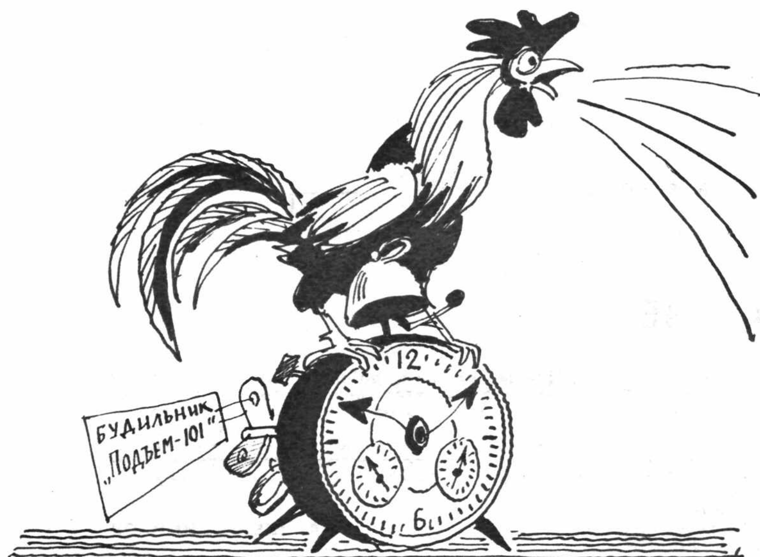
Обратите внимание на эту **шапку из синтетического меха.** По виду она ничем не отличается от ондатровой. И хотя химикам пока не удалось добиться стойкости щетины, проведенные эксперименты показали, что отдельные антиобщественные элементы срывают на улице такие шапки так же охотно, как и сделанные из натурального меха.

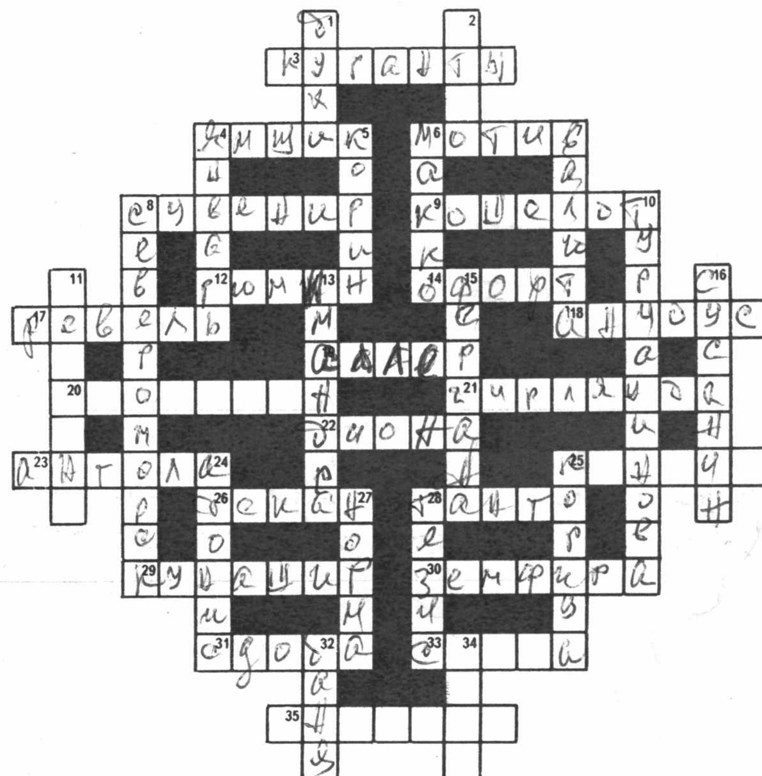
Перед вами новая **автоматическая ручка** с практически вечным пером. Его хватит на то, чтобы написать линию, два раза опоясывающую Землю по экватору. Для тех, кто ни разу не бывал в кругосветном путешествии, поясню: пера вполне хватает, чтобы заполнить все необходимые для кругосветного путешествия документы. Сейчас конструкторы работают над тем, чтобы сделать вечной не только перо, но и ручку, которая пока таких нагрузок не выдерживает.

Очевидно, вам всем очень понравится и этот **будильник — «Подъем-101».** Будильник показывает время в любой точке земного шара. И не только показывает... Заведя его и поставив стрелку на соответствующее деление, вы узнаете, когда наступает, скажем, 7 часов утра в Монреале, Париже, Армавире, Буэнос-Айресе. Представляете, как приятно проснуться, когда в далекой Австралии уже начался рабочий день, а вам можно еще шесть часов поспать.

Если у кого появились вопросы по ходу ведения экскурсии, задавайте.

Если нет, тогда разрешите не откланиваться, потому что я в костюме из новой, до того не мнущейся ткани, что невозможно нагнуться.





КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Башенные часы с музыкальным механизмом. 4. Стихотворение С. А. Есенина. 6. Мелодия, напев. 8. Подарок на память. 9. Кит. 12. Советский космонавт. 14. Вид гравюры. 17. Французский композитор. 18. Мелкая промысловая рыба, хамса. 19. Река в ФРГ. 20. Русский живописец-портретист XIX века. 21. Сплетенные в виде цепи цветы и зелень. 22. Спутник планеты Сатурн. 23. Государство на западе Африки. 25. Драгоценный камень. 26. Руководитель факультета в вузе. 28. Бальный танец. 29. Один из группы Курильских островов. 30. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». 31. Булочка. 33. Подкладочная ткань. 35. Зимний вид спорта.

По вертикали: 1. Парфюмерное средство. 2. Картина Б. М. Кустодиева. 4. Месяц календарного года. 5. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 6. Сорт кофе. 7. Денежная единица страны. 8. Порт в Мурманской области. 10. Народная артистка СССР, выступавшая на сцене Малого театра. 11. Спортивные гонки на микроавтомобилях. 13. Озеро на Кольском полуострове. 15. Областной центр в Узбекистане. 16. Герой оперы М. И. Глинки. 24. Малая планета. 25. Пряность. 27. Опера В. Беллини. 28. Основополагающие утверждения, принципы. 32. Комедия В. В. Маяковского. 34. Приток Оби.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали: 1. «Мавра». 5. Святогор. 6. Асатиани. 8. «Клоун». 10. Снег. 13. Пинд. 14. Гляциология. 15. Крешендо. 17. «Трубадур». 19. Официант. 22. Маскарад. 25. Пиротехника. 26. Рыбы. 27. Эрве. 28. Ольга. 29. Вертикал. 30. Реквизит. 31. Титан.

По вертикали: 1. Меркуцио. 2. Аванпорт. 3. «Ряженые». 4. Маринад. 5. Сосняк. 7. Индаур. 9. Обозреватель. 11. Планетарий. 12. Фигуристка. 16. Шпиц. 18. Арфа. 19. Огарев. 20. Изобара. 21. Теодолит. 22. Мандарин. 23. Реприза. 24. Десерт.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Рисунок И. Пчелко.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Зимний день. Фото М. Савина

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 11.12.81. Подписано к печати 28.12.81. А 00485. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 216. Заказ № 1656.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

СНЕЖНАЯ ФАНТАЗИЯ

















Рисунки народного художника СССР Ивана СЕМЕНОВА


ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663